

**Владимир
ГУЛЯЕВ**
г. Барнаул

Солдатская Любовь...

Предисловие

* * *

Книг, посвященных подвигам и трагедиям Великой Отечественной войны, написано много как участниками, так и историками-исследователями. Долгие послевоенные годы тема о 2-й ударной армии замалчивалась по известной причине: сдача в плен и предательство генерала армии А.А.Власова во время Любанской наступательно-оборонительной операции Волховского фронта в 1942 г. Его пленение и пленение нескольких тысяч солдат и офицеров легло тёмным пятном на вышедших из окружения и оставшихся в живых, на десятки тысяч погибших и пропавших без вести, утонувших в бескрайних новгородских болотах.

Долгие годы выжившие ветераны Любанской операции, прошедшие через всю войну, не хотели вспоминать о том, что происходило там, в тех местах, которые за полгода стали огромным кладбищем в несколько сотен квадратных километров. И только иногда, в узком кругу родственников, они скупно делились своими переживаниями и воспоминаниями. Клеймо предательства и несправедливые слухи о 2-й ударной армии как о «власовской предательской армии» приносили ветеранам моральные страдания. Как пишут историки и мемуаристы: это одна из страниц истории войны. Но на этой странице – сотни тысяч сломанных судеб человеческих.

В текстах многочисленных мемуаров и исследованиях военных историков главное внимание обращалось на развитие военных операций с точки зрения военной науки, рассматривались полководческие способности генералов и командования.

Сегодня о событиях у Мясного Бора стало известно гораздо больше, но многое так и осталось за неоткрытой страницей. За цифрами погибших, сдавшихся в плен вместе и отдельно от генерала А.А.Власова, оставшихся в живых и вышедших из котла – «долины смерти», стоят судьбы людей, солдат и офицеров, рабочих и крестьян.

Мой родной дед, Гуляев Леонтий (Леонид) Сергеевич – участник тех боёв у Мясного Бора с января по июль 1942 года, рядовой красноармеец 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии 2-й ударной армии. После выхода из окружения в районе Мясного Бора в конце июня 1942 г. он продолжал воевать, защищая Ленинград, был трижды ранен: дважды ранения были средней тяжести, третий раз в конце августа 1944 г. он получил тяжёлое ранение и после четырёх месяцев излечения в госпитале отправлен в отпуск домой до июля 1945 г.

Годами собирая по крупицам воспоминания и информацию о нем и других родственниках для создания истории своей фамилии и своего рода, я пришёл к мысли, что нужно написать рассказ – историю о солдате, о человеке, который прожил не очень длинную жизнь – всего пятьдесят три года, но прожил честно и ярко, прожил так, что многие из сельчан помнят его до сих пор.

Будет ли мой рассказ интересен, не знаю, но знаю то, что он должен быть. Как память о том поколении сибиряков, которые родились в самом начале XX века, прошли несколько войн и революцию, коллективизацию и становление советской власти.

Основной моей целью было не описывать общеизвестные документальные факты и хронологию военных действий, а показать обычную военную жизнь простого русского солдата.

В книге использованы реальные документы и воспоминания происходивших тогда событий с элементами художественного домысливания эпизодов, что не повлияло на достоверность характера главного героя.

**Краткая информация
о главном герое повести:**

Гуляев Леонтий (Леонид) Сергеевич.

Дата рождения: __. __. 1900 г.

Место рождения: Алтайский край,
Павловский р-н, с. Новообинцево.

Дата и место призыва: __. __. 1941 г.

Павловский РВК, Алтайский край,
Павловский р-н, беспартийный,
2 класса образования, женат, 4 детей.

Последнее место службы: рядовой, стрелок
194-й гв. сп (194-й гвардейский стрелковый
полк 64-й гвардейской стрелковой дивизии
(194-й гв. сп) 19.01.1943 – 09.05.1945 г.

Военно-пересылочный пункт,
Ленинградский ВПП.

Прибыл в часть – 14.01.1943 г.

Воинская часть – ВГ 1114

Выбытие из воинской части – 15.01.1945 г.

Куда выбыл:

Павловский РВК, Алтайский край.

Источник информации – ЦАМО. Номер фон-
да ист. информации Ленинградский ВПП. Но-
мер описи источника информации – 530167.

Номер дела источника информации – 42836.

Ранения – 3 ранения. Последнее ранение
– сентябрь 1944 г. (июнь – сентябрь 1943 г.
«Синявинская операция». Январь 1944 г. –
«Пулковские высоты» – при освобождении
Красного Села. Февраль 1944 г. – Нарвская
операция. 10 июня – Солдатская Любанская
наступ. опер. 10.06.44. Июль 20-29 – осво-
бождение Пскова, Нарвы. Август – Рига –
«Курляндская операция»).

Награждения:

1. Медаль «За отвагу».

Эвакогоспиталь № 1706 (в/ч 315). Разме-
щался с 03.07.1941 по 01.06.1944 г. в общежи-
тии парткурсов по пр. Ленина, 42 (ныне на
этом месте построена гостиница «Евразия») и
учебном корпусе Горного института по пер.
Университетскому, 9 (на фасаде последнего
установлена мемориальная доска из серого
мрамора размером 40x60 см). Профиль: об-
щехирургический, глазной, полостной, орто-
педический. На 600-1500 коек. Начальники:
А.И. Гарунов, Я. В. Кауфман.

2. Медаль «За оборону Ленинграда» от
10 октября 1943 г.

– Нет, – сказал Василий Теркин
И вздохнул. И снова: – Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

А. Твардовский

Наша история – это история многих поколений, исто-
рия, которую мы должны помнить, история, которую мы
обязаны знать, потому что НАША ИСТОРИЯ – это истори-
ческий путь наших предков, исторический путь наших от-
цов, и наша жизнь, это продолжение жизни в наших детях,
внуках, наших потомках, которым строить и вершить
дальнейшую Славную Историю России!

Наша история – это МЫ с ВАМИ.

* * *

Февральским морозным утром 1945 года Леонтий со-
шел с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул
полной грудью родной сибирский воздух. Почти три с по-
ловиной года не был он дома. Три долгих военных года!
Казалось, что прошла целая вечность.

Его никто не встречал, он специально не стал сообщать
о своем приезде домой из госпиталя, где ему дали уволь-
нение после трехмесячного излечения на целых шесть
месяцев! Шесть месяцев тишины, без войны! Шесть ме-
сяцев без стрельбы и потери боевых товарищей! Шесть
месяцев дома, с женой и детьми!

Какое-то время Леонтий стоял не двигаясь, наслажда-
ясь привокзальным городским шумом, на его груди
из-под расстегнутой шинели виднелись две блестящие
медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Только
сейчас, только здесь в Барнауле, он ощутил то, что война
далеко, а дом близко, вот он рядом, каких-то девяносто
километров! «Как долго он не был дома! Целую вечность!
Манька – Марийка, дочка, уже во втором классе! Генке –
шестнадцать! А Фёдор с Николаем вообще уже мужики!
Николай даже повоевал, по инвалидности комиссован,
но, главное, живой! Скоро-скоро свидимся!» – мысли вих-
рем неслись в голове.

Мимо пробежали гражданские, встречавшие своих
солдат, военные, прибывшие, как и он, из госпиталей:
кто-то в увольнение, а кто-то совсем, по инвалидно-
сти на костылях.

Суэта вокзала его радовала, где-то рядом в этой сует-
ной толпе смеялись и плакали, но это были слезы встре-
чи, слезы радости.

Из первых двух вагонов выносили на носилках тяжело-
раненых, эвакуируемых в барнаульские госпитали, для
многих из них война, возможно, уже закончилась.

«Ну что же, до июля побуду дома, а там видно будет, мо-
жет, и война окончится, а нет – так на фронт! А сейчас бы

самое время перекусить да попутку до деревни или хотя бы до Павловска поискать», – подумал Леонтий и, прихрамывая на левую ногу, опираясь на палку-трость, вышел в город, на привокзальную площадь. На площади былолюдно, поодаль стояли конные подводы из саней-розвальней и саней-кошёвок, да пара полугорок, наполовину крытых брезентом. Некоторые возчики, одетые в длинные тулупы, были явно издалека. В надежде встретить знакомых Леонтий подошёл к группе пожилых возчиков, курящих самокрутки.

– Привет, мужики!

– И тебе, солдат, доброго здравия!

– Что, всё? Отвоевался, слава богу? Али как?

– Али как! Вот как бы в отпуск домой на полгода. С госпиталя.

– Ну, это, слава богу, живой остался! А там, глядишь, и война закончится, по ходу дела к лету фрица задавим! Кончилась его сила! Похоже, припёрли мы его к стене-то! Так, солдат?

– Похоже, так! Но уж больно он сопротивляется, сволочь!

– Да и народу-то сколько положил! У нас в деревне в каждом доме почти похоронка. А где и две! Во, таки дела!

Мужики некоторое время курили молча.

– А ты сам-то с какой стороны будешь?

– Из-под Шелаболихи я, с деревни Новообинцево.

Вот, думал, может, кто из земляков среди вас есть, или с ближней деревни, или с Павловска.

– Да был здесь один с-под Павловска, с Рогозихи вроде. Кого-то привез встречать тоже. Вон его сани стоят у чайной, сам-то, наверно, для согреву зашел принять. Ты где воевал-то?

– Под Ленинградом. С января 42-го всё там, под Ленинградом.

– Долго в госпитале-то пролежал?

– С конца августа 44-го.

– Долго, однако! Серьёзное ранение.

– Да, в бедро и в колено попало. Третий раз за войну. Два раза-то более-менее, а вот в третий раз хорошо задело. И главное, опять в левую ногу, как на Гражданской. «Везучая» нога!

– Да уж!

– Ну ладно, мужики, спасибо!

– За что спасибо-то? Это тебе, солдат, спасибо за службу твою.

– Прощайте! Пойду в попутчики проситься, авось повезёт.

– Да повезёт, куда он денется!

Леонтий направился к чайной. Внутри в прокуренном зале, пропахшем пивными парами, несколько небольших компаний мужиков решали насущные вопросы за кружкой пива. За крайним

столиком сидел мужичок в сером тулупе, перед ним было полстакана с водкой и шматок сала с луковицей и хлебом, это явно был тот возчик из Рогозихи, который и нужен был Леонтию.

– Привет, земляк!

– И тебе, солдат, не хворать. – Рогозянин степенно допил водку, закусил.

– Ты ведь, земляк, с Рогозихи будешь?

– С Рогозихи. А ты вроде как не с нашей деревни. Откуда знаешь про меня?

– Да мужики там, у вокзала, сказали. Я с Шадры, с Новообинцево, значит. Вот напроситься хочу у тебя до Павловска добраться. А там уж я и пешком доберусь до деревни или в попутчики попаду к кому-нибудь.

Рогозянин не торопясь завернул сало, остатки хлеба и лук в тряпку, сунул сверток в карман тулупа:

– Я-то не против, председатель даст добро, так по мне и поезжай.

Перекусить Леонтию не удалось.

Они вместе с возчиком вышли из чайной и направились к саням, количество которых заметно поубавилось, разъехались.

– Вона и председатель с супругой идут. Она у него на курсах каких-то была в Новосибирске. Поговори с ним, мужик он нормальный, тоже бывший фронтовик.

От вокзала к ним подходили женщина и мужчина. Мужчина немного прихрамывал. «Видимо, тоже ранение в ногу было», – подумал Леонтий.

– Добрый день, председатель! Земляка до Павловска не подбросите? Своим не стал сообщать, нежданно решил приехать.

– С Шадры он, с Новообинцево.

– Добрый, добрый, надеюсь! Отвоевал, значит.

– Нет ещё, на полгода, до июля, на излечение отпущен. Фамилия моя – Гуляев. Леонтий Сергеевич.

– Ну что ж, усаживаемся в сани, по дороге поговорим. Не поспешая часов пять до Павловска будет, так что время есть наговориться.

Застоявшаяся лошадь резво взяла с места, быстро перейдя с шага на мелкую рысь.

– Хорошая лошадь, легко идет.

– А ты где воевал-то, Леонтий Сергеевич?

– Да с января сорок второго все под Ленинградом да около него. Вначале в кавалерии, а потом стрелком, пешим ходом да ползком.

– Да!.. Не сладкое дело война! Страшная и жестокая.

– А ты, председатель, видать, тоже фронтовик?

– Да, весной сорок второго уже отвоевался. Комиссовали подчистую.

На этом этот длинный разговор двух солдат и закончился, до самого Павловска Леонтий и предсе-

датель перебросились ещё несколькими короткими фразами: не любили фронтовики о войне говорить, не любили и не хотели. Укутанные в теплые тулупы, под размеренное покачивание саней, мерный скрип полозьев о снег, похрапывание лошади, попутчики периодически погружались в короткий сон.

К вечеру въехали в Павловск. В центре села оставились, чтобы размять ноги.

– Леонтий Сергеевич, я вот спросить тебя хочу: а Николай Леонтьевич из Шелаболихи случаем не твой сын?

– Николай? Мой старший сын. А что?

– Да дельный парень! Сейчас он первый секретарь райкома комсомола Шелаболихинского района. Серьезный, деловой! Отличный будет руководитель, хозяйственник! Я как-то в городе на совещании с ним познакомился. Молодой, боевой парень, он тогда ещё с костыльком ходил, прихрамывал. Да мы многие так, война пометила.

– Да, пометки на всю жизнь. Ну, спасибо, председатель! Приятно слышать такое хорошее о сыне! Ну что ж, спасибо вам, что подвезли! Может, ещё встретимся!

– А в Павловске есть кто свои-то?

– Есть! Переночую, а завтра и дома буду!

На следующий день, ближе к полудню, Леонтий вошёл в родную деревню. То ли казалось ему, что солнце светит ярче, а воздух чище и мягче, а от снежных сугробов исходит такая легкость, какую он уже давно не испытывал, что хотелось бежать вприпрыжку, как в далёком детстве, то ли на самом деле было так. Комок подкатил к горлу, сердце стучало, готовое выскочить и бежать впереди него, глаза увлажнились. Такого с ним ещё не было, а может, и было когда-то, давно-давно, в другой жизни, но затерлось, забылось...

Начало

Война была ожидаема, но всё же начавшаяся 22 июня 1941 г. прогремела громом среди ясного неба.

Войны и лихие времена не обошли стороной и наши села: Шелаболиху и Новообинцево. В каждую родовую семью поступала костлявая. Проводила своей косой где скользом, а где и наверняка косила. Побывала и в моей родне.

В Первую империалистическую погиб Гуляев Савелий Сергеевич (1890 – 1914 гг.). Имел 1 сына. В Гражданскую войну (1918 – 1920 гг.) были призваны в действующую Красную армию еще два Гуляевых: Архип Сергеевич (1897–1970 гг.) и мой дед – Леонтий Сергеевич (1900 – 1953 гг.).

Архип был контужен на Польском фронте и вер-

нулся инвалидом (стал на всю жизнь почти глухим от разрыва снаряда), Леонтий отделался легким ранением в левую ногу. Потом были сложные годы коллективизации и становления колхозов. Подрастали дети, часто слушавшие вечерами отцов военные рассказы, а днем в свободное от полевых работ время игравшие в «белых» и «красных» деревянными саблями и ружьями. И никто из них не знал, что где-то уже готовятся «планы» и на их судьбы, льются свинцовые пули, точатся болванки снарядов и гранат...

Еще не совсем забылись потери в тех войнах односельчанами своих родственников, а тут пришла новая страшная весть о войне с Германией: в 3 часа 15 минут утра 22 июня 1941 года началось вторжение в СССР. Фашистские самолёты бомбардировали Киев и Минск. В тот же день войну Советскому Союзу объявили союзники Германии – Италия и Румыния, 23 июня – Словакия, а 27 июня – Венгрия.

Почти все сельчане были на полевых работах и на покосе за рекой, но уже после полудня в центре села Новообинцево, у сельсовета, был срочно созван митинг с представителями райвоенкомата. На нем объявили фамилии наших сельчан, которые сразу после митинга считались мобилизованными и направлялись на фронт, на защиту Родины...

*«За всю войну из нашего села погибли 172 человека, много вернулись ранеными – инвалидами, некоторые вернулись после войны целыми и невредимыми, но, скажем прямо, – немногим посчастливилось пройти все ады войны и вернуться без увечья домой. Хотя и были, можно сказать, удивительные для такой войны случаи. Очень редкий случай имел место, и я думаю, не только редкий для нашего села, но, возможно, и на весь Алтай. Федор Егорович Павлихин, наш колхозный шофёр, на своей машине-полutorке прямо с митинга увёз мобилизованных солдат в Барнаула на мобилизационный пункт. Там он тоже был мобилизован вместе с машиной и прошёл всю войну до самого поверженного Берлина, а после Победы к осени 1945 г. вернулся на своей полutorке домой в свой родной колхоз «Комсомолец». Живым и даже не раненым. Сельчане его часто спрашивали: «а ты случаем не в рубашке родился?» Вообще-то таких счастливых было даже по стране мало, а у нас – один на весь район». (Из воспоминаний ветерана **ВОВ Н.Л.Гуляева, 1988 г.**)*

...Так в первых «эшелонах мобилизованных» сибиряков (1941 г.) ушли на фронт и мои родственники из поколения дедов: Гуляев Леонтий Сергеевич (1900 – 1953) – мой родной дед по отцу, Гуляев Федор Сергеевич (1902–1995), Кечин Семен Дмитриевич

вич (1907 г.р. – погиб 12.04.1942 г.) – мой родной дед по матери, Калинин Иван Гаврилович (1905–1988), Григорьев Александр Иванович (1912–1981), Гулимов Иван Яковлевич (1900–19..), Кечин Яков Петрович (1913–19..), Кечин Прокопий Петрович (1904 г.р. – погиб в 1943 г.), Кечин Владимир Петрович (1924 г.р. – погиб в 1944 г.), Гуляев Прохор Сергеевич (1896 г.р. – пропал без вести (погиб) в 1942 г.). Подвиги, совершенные ими, были отмечены государственными наградами, орденами и медалями и вошли в Летопись победителей.

1941 г. Мобилизация

Леонтий Гуляев, придя домой из конторы колхоза, швырнул фуражку на лавку у печи и сказал куда-то в угол избы, не глядя на жену:

– Всё, Паша, немчура опять войну затеяла! Стало быть, на днях мобилизуют. Это не гражданская буча будет, прольётся по ходу крови много. Ладно, сыны ещё пацаны, может, и минует их лихо. А мне надобно будет собираться.

Прасковья, жена Леонтия, охнув, опустила на лавку, поднеся к лицу кончик платка, зажатого в левой руке. Она молча посмотрела на мужа, как бы говоря ему: «А как убьют? Чё делать-то будем?» Паша всегда мало разговаривала, такой у нее был характер – неразговорный, но все родные понимали её с полувзгляда, с полуслова, с полуулыбки.

Леонтий понял её взгляд, и ему стало жаль её, эту маленькую, робкую, всегда спокойную женщину. Он, возможно, впервые увидел всю её незащищенность и понял, что дороже этой женщины, матери его четверых детей, у него нет! Хотелось сказать какие-нибудь ласковые слова, но это было не в его характере – «нюни распускать», и он присел с ней рядом, приобнял своей крепкой мускулистой рукой:

– Не, не убьют, Паша, не убьют.

Сказал и как-то сам себе поверил, что не могут его убить на войне, не его это время! Не его! Ничего, они и не такое преодолевали, хоть в Гражданскую, хоть в годы коллективизации: вилы всегда заточены были да берданка заряжена.

Деревенские мужики, получившие повестки в первые дни войны, собирались молча в центре села, прощались с женами, детьми и родственниками, усаживались в кузов полуторки, чтобы ехать в Барнаул на призывной пункт. С ними уехал добровольцем младший брат Леонтия – 39-летний Фёдор Сергеевич Гуляев, работавший заведующим элеватором шелаболихинского «Заготзерно».

После их отъезда как будто образовалась в деревне пустота, видимо, и природа почувствовала беду, потому что и птицы стали пощечивать, а не в пол-

ный голос петь да насвистывать, солнце хоть и пекло, но казалось, что светит через хмарь.

Через полтора месяца, в августе, пришел срок и Леонтию идти на фронт. В то время уже начали приходиться похорошки в ближайшие деревни.

Рано утром Прасковья затопила печь, испекла шанежки. Дети тоже проснулись рано, расселись за столом все, всей семьей, что было в последнее время не так часто. Леонтий сел, как всегда, в торце стола:

– Ну вот, дети, такие дела, война, значит. Посидим, позавтракаем все вместе на дорожку. Может, и не свидимся более, по-разному мы жили: и хорошо, и не очень, но дружно, как деды наши жили дружно и уважали свой род Гуляевых, да и к другим людям не врагами были. Так и вы живите далее. А бог даст, свидимся! Ну а нет, помнить будете.

Шанежки ели молча, макали в мед и запивали молоком. Все понимали, что отец может погибнуть. Одна маленькая Мария была радостная, видимо оттого, что все были рядом и что солнечное утро своими теплыми лучами играло в комнате.

Провожала Леонтия вся большая родня: жена с детьми, старшие братья Прохор и Архип, каждый со своим многочисленным семейством. Прохору было уже 45 лет, а Архипу 43 года, но на фронт его уже не брали, отвоёвался он в Гражданскую – получил сильную контузию, почти глухой стал после того.

– Эх, Лева, повоевал бы и я с тобой, как тогда в Гражданскую, да, видимо, не возьмут.

– Нет, брат, не возьму. Здесь давай, в деревне будь. Своих пацанов подымай да за моими приглянешь, – громко прокричал Леонтий Архипу на ухо. – Давай, брат, прощевай.

Молчаливый Прохор протянул Леонтию руку, обнял крепко, да разговорился:

– Прощай, брат Лёва! Федор уже воюет, вот и тебе время подошло. Если что, зла не держи, мало ли что было! Береги себя насколько можно! Бог даст, свидимся! Я, видимо, тоже скоро призовусь, заявление уже написал в военкомат. О детях не беспокойся, мы с Архипом да с жинками присмотрим за ними. Да и в деревне, почитай, почти все родственники, так что не обижены будут. У меня самого семеро, как на фронт уйду, тоже люди помогут им, поди. Вот такие, брат, дела.

– И ты, Прохор, на меня не обижайся, вроде в мире жили, но если есть обида – не держи!

Полуторка с сидевшими в кузове мужиками из Батурово, Кучука, Шелаболихи уже стояла у сельсовета в ожидании новообинцевских новобранцев.

Прощался с семьей Леонтий недолго, не любил он эти нежности разводить, защербил что-то в груди, заныло. И чтобы не затягивать время прощания, он

обнял быстро жену, крепко пожал руку старшему сыну Николаю, потрепал по плечу среднего Фёдора, прижал к груди младшего Геннадия, пятилетнюю дочку Марусю, которую он нес на руках от самого дома, поцеловал, погладил по голове, поставил на землю и повернулся к сыновьям:

– Матери, сыны, помогайте, Марию не забивайте. Вернусь, проверю!

С этими словами он забрался в кузов отъезжающей полуторки, и пыль, поднятая её колесами, какое-то время ещё висела облаком, скрывая силуэты уезжающих мужиков. Многие из них так и исчезли в той пыли военных дорог навсегда. И пыль толстым слоем засыпала их следы. Только память осталась в семейных альбомах и фамилии на плитах мемориала в центре села.

Полуторка тряслась и подпрыгивала на ухабах дороги, раскачиваясь ещё и из стороны в сторону. Мужики молчали и курили самокрутки, зажатые в кулаке, думали каждый о своём, оглядываясь назад не хотелось, смотреть вперед тоже особо желания не было. Страха Леонтий не испытывал, была какая-то тревога, щемящая в груди, какое-то волнение, как перед грозой, когда начинала беспокоить раненая, ещё в Гражданскую, левая нога. Вспомнился старший брат Савелий (1890–1915), погибший в Первую мировую. Савелий, молодой и красивый, с белокурыми кудрявыми волосами, высокий и широкоплечий, схожий чем-то с братом Фёдором. Тогда он тоже уехал с несколькими мужиками на подводах на ту войну и не вернулся, не вернулись с войны в деревню и ещё мужиков тридцать. Леонтий многих знал и помнил.

Воспоминания всплыли сами, как-то сразу и так явно, как будто вчера происходило. Деревенские пацаны и девки провожали своих отцов и братьев до самой Каменской трассы, и они: беременная жена Савелия Ольга, братья – Прохор, Архип, Леонтий и Фёдор, тоже шли рядом с телегами, прощались с Савелием, как оказалось, в последний раз и навсегда. Позже Ольга родила раньше срока сына Алексея, практически в день гибели Савелия. Сейчас Алексей тоже, наверное, призывается в Новосибирске на фронт. Чуть позже Савелия и Прохор был призван в армию, отвоевал немного, около двух месяцев на румынском фронте, получил ранение в плечо, лечился в лазарете Екатеринбург. Прохор вернулся, а вот Савелий так и сгинул где-то на полях войны четырнадцатого года.

Вспомнились Леонтию и давние годы, предреволюционные, когда они с братьями разнимали шадринских и самодуровских мужиков, дерущихся на льду между деревнями. Чего делили подвыпившие мужики, так никто и не узнал. А он сейчас вот вспом-

нил тот случай с улыбкой и с внутренним удовольствием, как будто недавно это было: мужики дрались, а они, братья Гуляевы, пошли их разнимать, с миром пошли, но получили кулаком кто в нос, кто в ухо. Не стерпели. Понесли. Уложили на лёд тогда почти всех: и своих, и чужих. После этого случая их стали звать «куликами» – «Кулик невелик, а все же птица». Братья Гуляевы роста были небольшого, но широкоплечие, кряжистые. За себя могли постоять и своих не дать в обиду. Несколько мужиков из той «свалы» сейчас тоже ехали с ним в кузове. Им, как и ему, было уже много лет, кому-то сорок, кому-то уже и под сорок пять.

Вспомнил он и то, как они с Архипом в 20-х годах уходили на Гражданскую войну, как вернулись: Архип полуглухим после контузии на польском фронте, а он – хромающим от ранения в левую ногу.

И после Гражданской ещё долгое время бывшие колчаковцы, разбежавшиеся и расселившиеся по мелким поселениям и заимкам, вредили и «портили кровь» местным властям. Они и сынки местных кулаков создавали в округе сёл и деревень вооружённые летучие отряды, которые укрывались в лесах и сводили счёты с местными активистами, а то и просто занимались обыкновенным грабежом и бандитизмом. Остатки банды Кайгородова долгое время скрывались за рекой в Инском сосновом бору, откуда устраивали свои налёты на близлежащие сёла и деревни.

Поэтому в те далёкие годы всех председателей сельских советов вооружали винтовками и наганами. И ему тоже, как председателю сельского совета, избранному в 1929 г., выдали три ружья: винтовку, малопульку, берданку и наган, который он всегда носил с собой.

По всей Сибири был сильный голод и процветало воровство. Ворovali всё, что можно было съесть или продать. В основном воровали животных, поэтому селяне вынуждены были загонять на ночь свой скот прямо в дома, если не было хорошо укрепленного скотного двора. Сельским советам сильно добавили хлопот и тревог большой наплыв кочующих цыган и выселение из Киргизии в Сибирь бывших богатых киргизов. Эти люди, не имея ничего своего постоянного, не имея работы и своего жилья, вели себя как временщики и воровство сделали своим главным ремеслом. Редкая ночь проходила спокойно, очень часто среди ночи кто-либо из сельчан стучался в дом и просил помощи в розыске похищенного. И он поднимал по тревоге свой актив, вооружал их – и начинался поиск воров и украденного. Часто получалось сразу обнаружить пропажу и воров, которые сознавались в совершенном воровстве и раскаивались.

В памяти всплыл случай 1932 года, когда ворами были уведены две «коммунарские» лошади, их поиск в течение суток ничего не дал. И только после того как один киргиз, которого Леонтий пристроил на жительство в колхозной конторе, видя, что большое семейство киргиза не сможет выжить, если им не помочь с жильем и работой, сообщил ему, кто украл и где пропажа, вор был найден, но не сознавался в воровстве. Пришлось посадить его до утра в погреб-ледник «для обдумывания своего бытия».

(В те времена (30-е годы) сельским советам было разрешено иметь свои «каталажки» – обычно это были амбары, куда сажали провинившихся крестьян или пойманных воров для временного задержания до передачи их соответствующим органам. – Прим. автора)

На следующий день подозреваемого забрали сотрудники районного ОГПУ, потом немного погодя его отпустили за недоказанностью, а через несколько дней Леонтия арестовали и осудили на семь месяцев по статье 110 УК (от 1929) – «Превышение власти или служебных полномочий...», обвинив его в незаконном лишении свободы невиновного человека.

«Как быстро бежит время», – думалось ему. И эти думки о скоротечности жизни, о постоянной борьбе за что-то и с кем-то двигали его желваки, а руки сами сжимались в кулаки.

«И чего им всем надо, бьёшь их, бьёшь, а они всё не уймутся! Живи, работай, рыбачь, детей расти. Только жизнь более-менее наладилась. Хоть немного бы спокойно пожить, так нет, на тебе! Войну опять затеяли... Ну что же, значит, будем биться, чтобы не убиться».

Проехали Павловск.

Там на площади тоже толпились люди, уходившие на фронт, и провожающие.

Ещё через час полуторка въезжала в Барнаул.

Формирование дивизии

«В конце 1941 года НКО в целях экономии живой силы и лошадей начал формировать новые легкие кавалерийские дивизии, имевшие всего по 3447 человек личного состава. Эти дивизии состояли из трех кавалерийских полков, артиллерийского дивизиона с тремя батареями, из четырех 76-мм пушек М-27, четырех 76-мм пушек М-39 и четырех 82-мм минометов, а также полузэскадрона связи и небольшой службы материально-технического обеспечения. Полк легкой кавалерии такой дивизии состоял из четырех сабельных эскадронов, одного пулеметного эскадрона со 128 автоматами, артиллерийской батареи с четырьмя 76-мм и двумя 45-мм пушками, противотанкового взвода с семью противотанковыми ружьями, саперного взвода, а также санитарной группы и группы снабжения.

Все эти кавалерийские корпуса и дивизии показали себя весьма ценными в ходе боев в конце лета 1941 года и позже, во время битвы за Москву и зимнего наступления Красной армии 1941–1942 годов.

Именно кавалерия, играя роль мобильных сил, становилась в авангарде наступательных операций и развивала успех при прорыве, проводя глубокие рейды по тылам вермахта. Число кавалерийских корпусов, дивизий и полков достигло своего пика на позднем этапе зимнего наступления, в феврале 1942 года, когда Красная армия имела в общей сложности 17 кавалерийских корпусов, 87 кавалерийских дивизий и два отдельных кавалерийских полка».

(1)

«В августе 1941 года на Алтае, в Барнауле, были сформированы 380-я стрелковая и 87-я кавалерийская дивизии (впоследствии 87-я была переименована в 327-ю стрелковую и 64-ю гвардейскую и отличилась в боях на Волховском фронте и при снятии блокады Ленинграда)».

(2)

Вновь прибывших распределили по баракам и на следующий день определили места службы. Леонтий, как бывший кавалерист ещё с Гражданской войны, был зачислен в 236-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии, который располагался в бывшем пионерском лагере в Сухом Логу. В эту же дивизию, только в другой полк, попал и двоюродный брат Леонтия, полная его противоположность, Тимофей Гуляев – хитрый и скрытный от рождения, постоянно ищущий везде и во всем только личную выгоду, часто ничем не брезгую. Он и тут умудрился пристроиться в продовольственном транспорте, чем и подтвердил свою деревенскую кличку Тима Хитренький, которой его окрестили односельчане за его постоянные приспособленческие уловки и хитрости.

– Что, Тимоха, требуху набивать теперь будешь? Смотри аккуратней будь, не обожгись.

– Да чё ты, Лева, я «аккурат» может ещё и тебе лишний кусочек мяса подкину. Мы же сродники!

– Кому сродник, а кому и неугодник! Прощевай, Тимоха!

– И тебе ветер в спину, Лева.

Вот такой диалог состоялся между Леонтием и Тимофеем Гуляевыми, и их дороги, у одного прямая, как он сам, а у другого – извилистая, как у ужа, разошлись окончательно.

Леонтий даже рад был тому, что служить они будут

в разных полках, а то в бою обязательно подведет, подножку подставит, пускай уж подальше будет, так спокойней...

«Тимофей Гуляев, которого в деревне прозвали Тима Хитренький, был призван в одно время с моим отцом в формирующуюся на Алтае 87-ю кавалерийскую дивизию, которая в боях под Любавой Волховского фронта была окружена, но большинство кавалеристов сумело выйти из окружения, а Тимофей сдался в плен. Этим своим малодушием он окончательно погубил свою жизнь. Дальнейшая его судьба сложилась очень плохо, вначале он вместе с другими пленными был увезён в Германию, затем во Францию и дальше в Америку американцами в конце войны, а затем по договору между США и СССР они были возвращены на родину через Владивосток. Мне в июне 1945 года довелось быть в г. Барнауле на комсомольских курсах, и мы, слушатели тех курсов, организованно ходили встречать первый поезд с демобилизованными солдатами-победителями, пришедший прямо из Берлина. Я тогда тоже встретил двух своих земляков-односельчан: Павла Степановича Бородкина и Ивана Яковлевича Гулимова. Оба они – артиллеристы, участвовали во взятии и штурме Берлина: артиллерийским огнём поддерживали пехоту, штурмовавшую Берлин. Выглядели они прекрасно – тогда ещё молодые, brave солдаты. И надо же так случиться, что в стороне от этой бурно ликующей толпы мы увидели припухлого, грязного и небритого, одетого в старую латаную – перелатанную одежду нашего земляка – Тиму Хитренького. Мы его с трудом узнали: – Тима, ты откуда же взялся такой? – Я вернулся из кругосветного путешествия. За все эти годы своего плена я объехал вокруг земного шарика, – был ответ. И это была правда. После высадки из Америки во Владивостоке он зайцем на товарняках пробирався в г. Барнаул – на родину.

Больше после той встречи я его не видел – в родную деревню он не вернулся. Второй случай – дезертирство из трудармии Максима Гуляева, который долгое время скрывался в Заобских лесах и в 1943 году замёрз в стоге сена.

Третий дезертир, Николай Тапильский (старше меня на два года), дезертировал из действующей армии и вместе с себе подобными скрывался за рекой в лесах, а в 1946 году был арестован за убийство сторожа при ограблении магазина и за все преступления был приговорён к расстрелу». **(Из воспоминаний ветерана ВОВ Н.Л. Гуляева, р.п. Павловск, 1988 г.)**

В полк стало поступать обмундирование, вооружение, лошади и фураж. Каждый день новобранцы с Алтая, Красноярска, Новосибирска и Омска пополняли полк. Все в основном были из сельских мест, знающие и умеющие обращаться с лошадьми.

Ежедневные занятия по боевой и конной подготовке проходили в усиленном режиме: с утра до обеда будущие кавалеристы отрабатывали посадку, удержание равновесия при разных движениях лошади: рысь, галоп, карьер и аллюры, различные способы управления лошадей. Нужно было не только научиться правильно сидеть на лошади, но и найти контакт с ней для точного и правильного управления ею. После обеда проходили стрельбы на скаку и лежа с седла: лошадь должна была привыкнуть к выстрелам, чтобы потом в бою не испугалась. Это оказалось целой наукой, но мужикам от сохи было чуть проще, чем городским, улучшить свои навыки верховой езды, поэтому Леонтий через две недели уже плотно сидел в седле на своем коне по кличке Седой. Седой был резв, смел, послушно и четко выполнял команды, даже на стрельбу почти не реагировал, воспринимал как само собой, казалось, что он родился, чтобы быть кавалерийским конем, и именно у Леонтия. Они научились так понимать и дополнять друг друга, что даже новый командир полка майор Романовский, на днях прибывший в полк из госпиталя, при осмотре прохождения занятий подъехав к группе всадников, завел разговор:

– Я командир полка майор Романовский.

Рядом с Леонтием гарцевали на разгоряченных после скачек лошадях, от которых шёл пар, несколько всадников-красноармейцев, с которыми он уже хорошо подружился. Мужики были почти его возраста и такие же деревенские, спокойные и рассудительные, как и он: один земляк из соседней деревни Старообинцево Бахарев Иван, двое из Змеиногорского района – Алексей Обидин и Яков Матвеев, и один – новосибирец Гриша Меньшиков.

– Красноармеец Гуляев.

– Красноармеец Бахарев.

– Красноармеец Обидин.

– Красноармеец Матвеев.

– Красноармеец Меньшиков.

– А как вас величать-то, красноармейцы?

– Меня Леонтий, а это Иван, Алексей, Григорий и Яков.

– Хорошо, запомню.

И обратился к Леонтию:

– А ты, боец, похоже, прирожденный кавалерист? И конь у тебя добрый, понятливый!

– Да, товарищ майор, Седой молодчина! А я просто служил немного в кавалерии, ещё в Гражданскую, ну и в деревне всю жизнь на лошадях. А тут прямо

наука! Вот мы её с сотоварищами и изучаем.

– Ну что ж, хорошо, осваивайте науку, бойцы, пока время есть и на фронт ещё не едем, в бою поможет, там учиться некогда будет... Там стреляют... Вижу вас постоянно вместе, это правильно, научитесь чувствовать друг друга, и в бою будет легче. А сейчас главное вам запомнить, бойцы, что сегодня не Гражданская война, война сейчас другая, механизированная. Поэтому шашкой махать нечасто придется, а коней надо использовать для быстроты передвижения, как при преследовании врага, так и в рейдах по тылам, а может, когда и при отступлении для перегруппировки и накопления сил. В общем, учитесь лавировать и думать, думать... Я в госпитале до этого дошёл.

– Ясно, товарищ майор, учтём.

– Ну, вот и добре!

Майор ушёл. Мужики спешили, привязали коней к веткам деревьев, присели кружком, достали кисеты и свернули самокрутки. Некоторое время курили молча.

– Вон оно как, мужики, майор уже и в госпитале успел побывать, а всего три месяца война-то! Прёт немчура. Видимо, на границе служил.

– А у нас в деревне, жена написала, уже на троих похоронные письма пришли.

– Надо нам друг дружки держаться, майор правильно сказал. Может, и прорвёмся!

– Прорвёмся, обязательно прорвёмся. Ладно, покурили и вперед, – Леонтий молодцевато вскочил на коня, пригладил густые волнистые волосы, лихо водрузил фуражку и рванул с места в карьер, ему как-то легче стало после разговора с майором, уверенности, что ли, он ему добавил, снял камушек, торчавший где-то посреди груди...

А майор шёл и думал о том, что многие из этих крепких сибирских мужиков будут убиты, кто-то, конечно, и выживет, но мало выживут, а судя по первым месяцам войны, по вооружению немцев, по их технической оснащённости, она будет затажной и жестокой. Он уже почти со всеми в полку повстречался, со многими побеседовал и сделал для себя горький вывод: мало времени на подготовку и обучение, мало. Хоть практически все бойцы и в возрасте, от 30 до 45 лет, жизнь знают, кто-то Гражданскую прошел, кто-то с кулаками и белобандитами в деревнях у себя дрался, но здесь другое сейчас, совсем другое. Что они, бойцы с саблями да винтовками, против танков и самоходок смогут сделать? Только видимость большой армии создать... Нет, убьют их всех. Надо другой тактике их учить, совсем другой. Тому, чему учат кавалеристов в училищах – учить этих бойцов времени нет, да и лошади не кавалерийские практически. Ну вот хотя бы эта пятёрка,

они ведь верно делают, сошлись в маленькую группу и отрабатывают взаимодействие при ведении боя. Им точно будет проще перестраиваться в атаке, да и чувствуют они присутствие и действия друг друга. Хороша мысль, нужно командирам эскадронов и взводов дать задание поработать в этом направлении, поучить атаковать и обороняться малыми группами, оно будет более приемлемо. Но мало времени, ох как мало, скоро, должно быть, отправят уже на фронт, формирование полка, да и дивизии, закончиться почти. Ещё бы недельки две-три...

Майор вспомнил свою погранзаставу, начало войны. Тогда едва рассвело, как на военный городок был совершен массированный налет: вначале десятки бомбардировщиков сбрасывали, как горох, бомбы, за ними следом налетели истребители. В результате погибло и было ранено много командиров и бойцов из личного состава, а также много боевых коней. Остатки гарнизона отошли на оборонительные позиции и в течение суток сдерживали наступление немцев. Он, прошедший боевой путь через Туркестан, Халхин-Гол, не мог представить себе, что его эскадрон в считанные дни перестанет существовать и бойцы, которых он знал всех поименно, будут гибнуть на его глазах под бомбами, будут раздавлены танками и самоходками. Пулеметные очереди выкосили эскадрон как траву. Как он выжил, как попал в тыл, в госпиталь, майор не помнил. Последнее, что запечатлелось в памяти: яркая вспышка, летящие комья земли, забивающие глаза, и черная пустота...

...Потом был госпиталь.

Внешние телесные раны подлечили, но внутренние остались открытыми: неужели все красноармейцы-пограничники, его бойцы, с которыми он бок о бок почти два последних года охранял границу, которых обучал военному делу, погибли?! Может, хоть кто-то из них выжил в той мясорубке, как он, был ранен и лечится где-нибудь в госпитале. Встретятся ли они когда-нибудь? Как жизнь быстро закрутила, не думал-не гадал, а вот он, живой, в Сибири, куда никогда и не собирался попасть, с новым назначением в качестве командира кавалерийского полка. И сейчас, глядя на этих новобранцев, деревенских мужиков, он вдруг как наяву увидел их убитыми, лежащими навалом, друг на друге, в неестественных позах, с вывернутыми руками и ногами. От этого заломило в затылке, холодный ветерок зашевелил волосы. Придя в себя от страшных и непонятных видений, он увидел улыбающихся и уставших от занятий мужиков в военной форме, без привычной ему военной выправки. Они полулежали и сидели небольшими группами, курили и что-то обсуждали. Где-то в стороне, за деревьями, играла гармонь, и гармонист

пел песню, хорошо пел, душевно. Несколько голов подхватывали припев.

*В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зеленый сад
и нежный взгляд.*

*Пройдет товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернется,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнется:
Знакомый дом, зеленый сад,
веселый взгляд.*

«Красиво поют черти, спокойно. Как будто и войны нет. Как же мне их научить, подсказать им: как не погибнуть в первом бою...» Его мысли опять вернулись к «пятёрке бойца Леонтия», так он автоматически выделил для себя эту группу. Их задумка прямо вписывалась в тактику, в соответствии с какой и нужно будет иногда действовать кавалеристам. Суть была проста, она и раньше применялась в кавалерии и была в следующем: в одном из учебных рейдов по пересеченной местности Леонтий спрыгнул с коня и несколько десятков метров двигался вместе с Седым, держась одной рукой за подпругу, в другой руке была винтовка. Сбоку казалось, что лошадь бежит одна, без всадника, потом он быстро вскочил в седло и произвел выстрелы по мишени. В другой раз он спешился и залег за небольшим холмиком и подготовился к стрельбе, а конь тем временем продолжал движение без него. В бою это могло дать бойцу преимущество, ввести в заблуждение противника и дать время для выбора удобной позиции и подготовки к атаке или обороне. Да завтра же начнем отрабатывать и эти уловки, введем их в тактику ведения боя.

1941 г. В деревне

Суходом мужиков на фронт некогда людное и шумное село как-то сразу осунулось, погрузнело. На улицах стало безлюдно. Будто жизнь замерла, приостановилась. Не было прежнего привычного людского гомона, разухабистых песен молодёжи на вечеринках, казалось, что всё окунулось в пустоту и мрак, паники и растерянности не было, но в души людей поселилась боль и тревога за жизнь близких, ушедших на фронт, за судьбу Родины. Каждый независимо от возраста понимал, что настало трудное,

тяжкое время. Война – это как большой пожар для страны. Пожар беспощадный и долгий. Помнили ещё в деревне белобандитские расправы с жителями в Гражданскую, помнили и надеялись, что не допустят немца так далеко, все равно побьют его мужики. Помнили и пожар в 28-м году, когда осенним ветренным днём из-за шалости детей с огнём загорелась деревня с ветреной стороны, головёшки бросало на сотни метров по ветру. Основная масса людей находилась в поле, и тушить пожар практически было некому. Люди, увидев пожар, побросали все полевые работы, и кто как мог прибежал в деревню тушить пожар всеми возможными подручными средствами, но бушующее огненное море потушить было невозможно. Спасти практически ничего не удалось. Выгорела вся нагорная часть деревни, некогда красивая, с широкими и прямыми улицами, застроенная добротными пятистенными домами с резными наличниками на окнах, крытыми въездными воротами и входными калитками, с добротными амбарами и надворными постройками, со многими посадками – декоративными и плодоносящими. За один день, к вечеру, вся деревня превратилась в чёрную, зияющую зловещей темнотой пустошь.

Люди долго и трудно выходили из этой трагедии, это была трагедия для многих жителей деревни, которые своим трудом из поколения в поколение возводили и поднимали своё хозяйство, строили дома – чтобы жить. И как всегда было на Руси – ближний помогал ближнему, так и в то время: помощь пришла из соседних, близлежащих сёл, помогали кто чем мог: кто лесом, кто своими трудовыми руками, кто тем, что присылал какие-то продукты, в основном картошку и хлеб погорельцам, кто и делился последним из зимней одежды. Так уж испокон века повелось, что Русь жива скорбью и лихом, и в дни лихолетья самый бедный отдаст с себя бедствующему самое последнее, что он имеет. И тогда стараниями людей и помощью из государственной социалистической казны нагорная часть деревни была за 2-3 года почти полностью восстановлена, поднята из пепла и гари. Вот и сейчас знали сельчане, что всем миром одолеют врага, кто с оружием в руках на фронте, а кто здесь своим трудом на полях да фермах.

«К началу войны в Новообинцевском сельсовете было 5 колхозов: «Комсомолец», «Красноармеец», «Красный путиловец», «Заречный трудовик», «Степной трудовик». Почти с первых дней войны председатели всех колхозов были призваны в действующую армию. Их заменили женщины. А ранней осенью 1941 года, после окончания полевых работ, от всех этих колхозов была сформирована большая группа молодых, пятнадцати-семнадцатилетних,

ребят и девчат и послана на учёбу на курсы трактористов, в МТС, в соседнюю деревню, чтобы за зиму подготовить механизаторов, готовых выполнять работу ушедших на фронт трактористов и комбайнёров. Все были молоды, полны решимости и энергии». (Из воспоминаний ветерана **ВОВ Н.Л. Гуляева, р.п. Павловск, 1988 г.**)

Прасковья рано утром, приготовив завтрак, будила старших сыновей, Николая и Фёдора:

– Вставайте, ребятки, уж петухи скоро закукарекают, на работу пора, да и на учебу поспеть, на курсы-то.

Старший – Николай семнадцати лет, рослый и крепкий парень, на целую голову был выше отца, два раза ездил в райвоенкомат, просился на фронт – с отцом воевать рядом.

– Молод, парень, вижу, что большой, но возрастом пока не подходишь. Подожди, на следующий год призовём, успеешь ещё, навоюешься. Учись пока на тракториста. Может, в танкисты пойдёшь, а может, бронь получишь! – говорил военком.

«Бронь-бронь, нужна мне эта бронь? На фронт идти надо», – думал Николай.

Средний – Фёдор, ростом был мал для своих пятнадцати лет, полтора метра всего, но крепенького телосложения, часто подтрунивал над Николаем. Вот и сейчас за завтраком:

– Коль, вот мне бы от тебя сантиметров пятнадцать росту забрать, мы б с тобой одного роста были, тогда бы и мне и тебе в тракторе удобно было бы сидеть. А так с твоим ростом тебя в танкисты не возьмут – голова из башни будет торчать, и в кавалерию, как отца, тоже не возьмут, ноги длинные. Только в пулеметчики, сила есть пулемет носить. А может, и командиром будешь! Да, Коль?

– Ладно болтать-то. Поели, ну и пошли коров кормить, а то еще в Шелаболиху на занятия опоздать не хватало.

Серьёзный был Николай, ответственный.

Встав из-за стола, Николай вышел из дома, Фёдор догнал его уже возле калитки. По дороге к ним присоединился старший сын дяди Архипа, двоюродный брат Иван, одногодок Фёдора. Немного словный и всегда немного угрюмый, Иван был заядлым рыбаком. В рыбалке равных ему было не много, даже взрослые деревенские мужики, лучшие рыбаки села, признавали в нем себе ровню по умению и удачливости в рыбной ловле. Отец Архип, работавший кузнецом, тоже был настоящий рыбак, но Иван, которого он начал приучать к рыбацкому делу почти с пелёнок, обогнал его в этом деле уже годам к четырнадцати. Это была его страсть, его призвание. Братья первыми поздоровались с Иваном:

– Привет, Иван, чё такой хмурной-то? Не выспался, что ли?

– Не выспался, не выспался. Выспался! Вчера с Генкой перемёты ставили да мордушки в затоне установили. Щас батя с Петькой и Генкой будут рыбу вынимать, ещё перемет утопят! А я коровам хвоста крутить буду! Тьфу! – ответил Иван, смотря куда-то в сторону.

– Ничего, они не утопят, не впервой.

– Утопят, как пить дать утопят.

– Давай шагу, братья, прибавим, вон и девчонки уже впереди нас.

– Тебе бы только рыбачить! А на тракторе тоже нужно научиться, девки, что ли, будут за тебя пахать?

– Рыбу-то мы тоже в колхоз сдаём. Это тоже для колхоза, не только домой. Да и душа у меня к технике этой не лежит так, как у вас.

Ребята догнали девушек, тоже идущих на ферму:

– А вот и женихи наши, а мы-то думали, вы уже сено кидаете!

Фёдор подскочил к ним, ловко подхватил двоих под руки:

– Сено-солома! А мы с вами знакомы? Меня Фёдором зовут!

– Ух ты, ухажёр какой! Небольшой, а шустренький!

– Мал золотник, да дорог!

Все «курсанты-трактористы» утрами, часов в пять, встречались либо по дороге, либо на скотных дворах, девчата доили коров, парни убирали загоны и приносили сено на корм. После они всей компанией направлялись в соседнюю деревню, которая находилась в трех километрах от их села, на учебу. Нужно было успеть к 9 часам. Ребята и девчата в первую половину дня изучали теорию, а после обеда разбирали и собирали двигатель и ходовую часть гусеничного трактора «Сталинец-60». Изучалось все до мелких частей и деталей. Николай автоматически разбирал и собирал узлы трактора, не вникая в самую суть, в основу работы двигателя, трансмиссии и системы передач, понимая, что «Фёдор, видимо, прав – не быть ему танкистом, вон в фильмах танкисты, как и лётчики, все небольшого роста, значит, либо артиллерия, либо Морфлот. В мае ему будет восемнадцать, значит, после посевной могут забрать на фронт, а это значит в июле-августе, а может, и после уборочной, как отца. Как он там? То, что отец попадёт в кавалерию, сомнений не было, в военкомате знали, что он был в конной армии. Увидеться в ближайшее время, не придётся, до Барнаула далековато, из колхоза не уйдёшь, не отпустят. Может, на фронте, потом, увидимся? Хотя вред ли!»

Домой возвращались поздно.

– Скоро дожди начнутся, а там и зима не за горами. Надо бы нам лошадь с телегой в правлении выпросить. Поди дадут?

– Ты у нас, Коля, самый представительный, поговори в сельском совете, выделят...

После ухода братьев сразу проснулся и младший Гена.

– Ты чего так рано встал-то? Спи ещё, в школу-то рано.

– Да я, мам, пойду мордушки проверю да переметы гляну.

– Поешь.

– Потом приду с рыбалки, поем. Дядя Архип, поди, уже на берегу с Петькой.

Генка убежал.

Прасковья стала убирать со стола, а думки были о детях и Леонтии: «Как он там, сердешный? А ну как убьют! Коля с Федей уже почти взрослые, теперь вот на механизаторов учатся, некогда им по дому дела делать, отойдут вскоре от семьи, Маша ещё совсем мала, вся мужская работа на Генку ляжет. Да она и сейчас на нём. И огород вскопать, и дрова заготовить, вон и крышу надо к зиме залатать, а годков-то ему всего двенадцать! Трудно будет, ох, трудно». Думала про себя, а вслух о своих бедах и тревогах никогда и никому не говорила.

Подходя к длинному речному затону, шириной метров 40, с берегами, поросшими камышом, Геннадий увидел Петьку с дядей Архипом.

Начиналась добыча рыбы с проверок мордушек. Архип не торопясь вытягивал одну, а братья Гена и Петр тащили вдвоём другую. Рыбу выкладывали в плетеные корзины, потом подвешивали жмых внутри мордушки и погрузили её опять в воду. Опростав все мордушки, около десятка, они приступали к проверке переметов. Процесс ловли рыбы увлекал, а утренняя тишина и водная гладь затона, подёрнутая серебристой дымкой тумана, легкого и прохладного, действовала успокаивающе. В эти утренние минуты вблизи реки особо ощущается тонкая грань между тенью и светом и открывается тайна жизни: рождение нового дня. И кажется, что такая тишина и спокойствие везде и нет войны. С первыми лучами осеннего солнца рыбалка заканчивалась, и предстояла работа по чистке рыбы, сортировке по размерам и засолки в бочках. Уставшие рыбаки позволили себе отдых.

Архип достал кiset, соорудил козью ножку, раскурив её и, глядя вдаль за реку, заговорил:

– Вот так, сынки, и деды, и отцы наши рыбалили здесь. Когда я был такой же, как вы, то тоже с братьями у дедов учился этому делу. Река тогда далее была, да и пошире чуток. Залив этот уже был, днями тут, бывало, такие чехарды с дружками устраивали,

что ого-го-го, шумливые были, молодые... А дед-то ваш, отец мой, Сергей Лексеевич, заядлый был рыбак, лучше его и рыбака-то в деревне не было, уж ежели он пойдет где сети ставить, так ты хоть рядом свою сеть забрось по ходу или после хода, всё равно вся рыба в его сеть пойдёт. Заговор знал, наверное. Вот Ванька, видимо, в него. И дед Лексей, говорили, тоже рыбак был! Может, и он вот так же на этом месте сидел да смотрел на «зареку», восход встречал, как мы сейчас. Может, и ваши дети и внуки потом тоже здесь будут рассвет встречать да рыбу ловить, только заводь эта лет через тридцать, наверное, в Обь уйдет, видите, как река течением забочу подмывает и подмывает.

Архип всегда что-нибудь вспоминал и рассказывал ребятам, пока курил свою самокрутку. Вопросы ему не задавали, кричать надо было по причине его глухоты после контузии. Да он и сам знал, что и когда рассказать, а слушать его истории было всегда интересно.

– Ну что, полюбовались утречком, понесем теперь женщинам улов готовить в засолку, а то вам скоро в школу бежать, а мне в кузню, кувалдой малость постучать.

Архип работал кузнецом в колхозе.

1941 г. В Барнауле

Вот уже чуть больше месяца Леонтий находился в Армии, в Барнауле, получая весточки из дома, что всё нормально, дети в школу пошли, уборочная закончилась, с зерном на зиму будут, грибы, огурцы и капусту засолили, картошки накопали много. Он вспомнил, как почти в это же время, только в 37-м году, ему тоже не пришлось заниматься уборочной и подготовкой к зиме, а пришлось целый месяц жить в городе у дядьки, материного брата, Туева. Он, красноармеец-кавалерист, почти целый месяц скрывался от второго ареста!..

Урожайный 1937 год стал тогда для колхозников великим трудовым испытанием. На уборку обильного урожая были брошены все силы. Большую и трудоёмкую работу с раннего утра до вечера выполняли женщины и девочки-подростки, они вязали снопы, ставили их в кучи для последующего скирдования в клады, после чего производился обмолот кладей молотилками, а мужики-колхозники практически сутками находились в полях, на полевых станах, работая и днём и ночью, отдыхая попеременно по 2-3 часа в сутки.

Леонтий был бригадиром одной из полеводческих бригад. С техникой было сложно, всего один трактор «Фордзон», и косовица выполнялась в основном конными жатками-лобогрейками и кры-

латками (жнейками-самоскидками). Пыль стояла над полем постоянно, не успевая оседать на землю. Привозной воды хватало на приготовление пищи и немного промыть глаза, поэтому все были черно-серые от пыли и загара. Леонтий на свой страх и риск периодически отпускал домой по одному человеку на пару-другую часов на помывку, а сам исполнял работу временно отсутствующего. В субботний день во время обеда мужики решили отпустить своего бригадира в баню:

– Иди, Сергеич, домой. В бане помоешься, отдохнешь нормально хоть разок. А утром завтра и вернешься. Мы справимся, не подведем.

– Точно справитесь?

– Да не сомневайся, иди, видишь, как вымотался за неделю! А мы тут ускорим жатку-то!

Ближе к ночи Леонтий направился домой: «Вёдро» стоит устойчивое без облачка, стало быть, успеем убрать пшеничку».

Часа через три он уже сидел за столом, отмытый и разгоряченный. Картошка в мундире, соленые грибы и огурцы стояли в ряд, аромат наваристой аппетитной ухи, зеленого лука и укропа расслаблял:

– Ну вот, Паша, теперь чай можно и стопаря под ущицу! Да грибочков с огурчиком! Хороший нынче урожай, Паша! Очень хороший. На трудодни будут зерно выдавать, с хлебом да с кашей будем, значит. Надо будет сусек подделать.

Вся семья сидела за столом, сыновья с серьезным видом хлебали уху, годовалая Маша не спала, а вертелась у матери на коленях.

Рано утром, до рассвета по прохладе, Леонтий пошел на бригадный стан. Над полем стелился сплошной утренний туман. Вдруг из тумана, как из воды, вынырнул прицепщик Ваня:

– Дядя Леня, не ходите туда, там эти в фуражках приехали, вас спрашивают.

– Чего ты мелешь? Кто приехал, кто спрашивает?

– Один из них ругается, говорит, куда он ушел, про вас, как он посмел бросить работу, говорит, что вас посадят. Дядя Леня, мужики меня послали предупредить!

То, что посадят точно, это Леонтий знал тоже точно. Правда, могут и не посадить, но это вряд ли! Время тяжелое, вон Егора Понагушина, кузнеца сельского, как забрали непонятно за что рано утром, так уже скоро третий месяц ничего о нем не слышать. Да и сам-то тогда семь месяцев ни за что отмотал! Мысль сработала сразу: нужно рвануть в Барнаул, к родственникам матери, там отсидеться и поглядеть, куда эта чёртова кривая выведет! Город большой, поди, и искать не будут. Пробираться до Барнаула Леонтий решил вдоль берега Оби: подальше от до-рог, да и деревьев вдоль берега много. К утру следу-

ющего дня он был уже в городе. Пока шел в город, Леонтий все время думал о том, кто же мог донести на него, да так быстро: ушел-то он домой поздненько вечером, домой пришел уже затемно, вроде ни с кем не встречался! Но кто-то же донес! Так и до сих пор он не узнал, кто же это был. Догадка, конечно, есть! Но это – догад, а он не бывает богат! Что ж, видимо, так и не узнаю кто, думал Леонтий.

Родственники приняли беглеца, что ж делать, сами в свое время вынуждены были уехать из Барнаула, скрыться от расстрела всей семьей, правда, это было в 18-м или 19-м году! Но было. Так что знакомая ситуация, а свой своему поневоле друг.

На третий день Леонтий неожиданно попал в больницу: поднялся сильный жар, ломота по всему телу, аж кости выворачивало. Лечили три недели, а там и в деревне, и в районе постепенно все улеглось, Леонтия по прошествии почти месяца никто и не разыскивал. Выписавшись из больницы, он с больничной справкой, похудевший вернулся домой. Получилось, что его никто и не искал, и с работы он не сбегал, а лечился в больнице. Так вот вышло, что судьба не дала его в обиду, а то пилить бы ему лес где-нибудь на Севере.

* * *

«Как интересно жизнь распоряжается судьбами человеческими», – думал Леонтий. Вот у брата матери – Туева, тоже судьба поработала с выдумкой, судя по его рассказам.

В 1890–1896 гг. он проходил службу на Дальнем Востоке, жребием судьбы выпало ему около года проходить службу по хозяйству у тамошнего флотского чиновника высокого ранга, уже довольно пожилого, обрюзгшего и вредного старикашки лет шестидесяти с небольшим. Работа была разная: уборка двора, конюшни, уход за четырьмя добрыми рысакими, попутно дрова порубить и прочее. А вот жена у старикашки была молодая и статная дама 31 года. И вот матрос Туев стал замечать заинтересованные взгляды молодой хозяйки. Потом начались расспросы: откуда он? Как служба идет? Скоро ли домой? Матрос, помогите это, принесите то... Одним словом, однажды произошло то, что и должно было произойти между двумя молодыми мужчиной и женщиной. Через пять месяцев, в течение которых молодые люди продолжали тайком встречаться, у Фёдора Туева закончился срок службы, и он уехал домой в Томскую губернию, с. Павловск. Прошло много лет, Фёдор переехал в Барнаул, женился, занялся небольшим бизнесом при пароходстве: поставлял некоторые продукты питания для буфетов пароходства, мало-помалу скопил капиталец, выбился, так

сказать, в люди. Приобрел хорошую квартиру на первом этаже в районе речного порта. А тут война, потом революция, после которой начались смутные времена в городе, власть почти два года постоянно менялась, переходя от большевиков к белогвардейцам, шла Гражданская война. В один из периодов очередной смены власти в конце 1918 года, когда красные вновь вошли в город, в квартиру Туевых в сопровождении нескольких красноармейцев вошел молодой комиссар. Пройдя в большую комнату, сел на стул, осмотрелся по сторонам. Потом некоторое время рассматривал стоящих перед ним членов семьи, спросил:

– Как ваша фамилия?

– Туевы мы.

– Вы служили в 90-х годах прошлого века на Дальнем Востоке?

– Да, служил.

– Всем выйти, – негромко приказал молодой комиссар красноармейцам и после продолжительного молчания сказал:

– Значит, получается, что вы – мой отец! Знаете ли, а я представлял вас немного другим. Мать очень хорошо отзывалась о вас и долгое время думала, когда стала вдовой, что вы вернетесь. Только благодаря тому, что она вас любила, я посоветую вам забрать свою семью, самое необходимое и сейчас же, немедленно покинуть город. Иначе вы будете расстреляны как мироед и классовый враг, ваша фамилия в расстрельном списке. Поспешите. Это всё, что я могу для вас сделать. Если будет нужно, я вас позже найду... Прощайте!

– А... Ваша мать? Она?..

– Она умерла пять лет назад. У вас мало времени! Через два часа мы будем здесь снова, так что у вас есть всего часа полтора на сборы.

На этом они расстались, и больше их дороги не пересеклись. Скорее всего, он, его сын, погиб в том революционном огне. А тогда, при их встрече, всё произошло так быстро, что Туев даже не успел узнать ни фамилии, ни имени их семейного спасителя, оказавшегося его сыном.

Почему-то именно эти воспоминания неожиданно всплыли из памяти Леонтия с такой ясностью, как будто это было вчера, и они придали ему уверенность в том, что и на этот раз его судьба сделает правильный ход и подскажет ему правильный путь.

На фронт

В конце сентября пришло указание о прекращении встреч красноармейцев полка с родственниками, это означало, что скоро полк должен будет отправляться на фронт. Начался период ожидания и

подготовки к отправке, занятия продолжались, все было вроде как прежде, но чуть по-другому. Вопрос, куда отправят, прямо висел в воздухе. По сводкам Информбюро, фашисты приближались к Москве! Значит, под Москву!

В октябре полк погрузился в эшелоны и отправился на Запад, на фронт. Навстречу с запада шли эшелоны с ранеными и гражданским населением, эвакуированными в тыл с фронтовой зоны. Железнодорожные станции напоминали большие муравейники.

Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Чебсара Вологодской области, где в полк поступило небольшое пополнение из вологодских новобранцев с лошадьми. Линия фронта была уже близко, немецкие самолеты периодически бомбили железнодорожные станции, деревни и дороги, по которым в обе стороны шло движение: армейские части к фронту, беженцы в тыл. В этих условиях, приближенных к боевым, полк до ожидания особого распоряжения о дальнейших действиях продолжил боевую и конную подготовку.

Приближалась зима. Морозящие дожди, переходящие в мокрый снег, ночные заморозки и холодные ветры давали понять, что она не за горами, поэтому у кавалеристов добавилось забот: нужно было готовить лошадей к зимним условиям, самим привыкать к зимнему снаряжению.

Во время ухода за лошадьми после долгих дневных тренировок Леонтий сказал мужикам:

– Да, братцы, похоже, майор прав был, когда говорил, что шашкой нам махать не придется.

С его старшинством мужики как-то сразу, в первые дни знакомства, согласились и воспринимали его как рассудительного и правильно принявшего решения человека. Видимо, это произошло из-за его мужицкой прямоты, спокойствия при разговоре, убежденности в своей правоте и уверенности.

– Прав! Нужно нам сейчас больше учиться прятаться за лошадью и спрыгивать на ходу, падать с неё учиться, чтобы не переломать себе ребра. Вот что я думаю! Скакать-то мы почти научились! Прятаться будем учиться.

– Падать-то мы хорошо научились, – пошутил Иван Бахарев.

– А щас, в морозы, вообще будем соскальзывать, как пирог с лопаты, – поддержал шутку Обидин Алексей. Все дружно рассмеялись и продолжили чистить и обтирать лошадей от пота, чтобы потом укрыть попоной от холода.

В середине декабря была объявлена боевая тревога, прошло срочное полковое построение:

– Товарищи красноармейцы, получен боевой приказ командования. В результате успешного

контрнаступления войск под Москвой и снятия непосредственной угрозы столице нашей Родины дивизия направляется на спасение Ленинграда, попавшего в блокаду в начале сентября 1941 г. Город задыхается от голода и холода...

Срочно погрузились в эшелоны, которым был дан зеленый свет в направлении на северо-запад. Вскоре выяснилось, что эшелоны направляются через Вологду на Волховский фронт, под Тихвин, и что там идут очень тяжелые бои.

1942 г. Волховский фронт

В начале января 1942 года по дивизии было объявлено, что она теперь входит в состав 13-го кавалерийского корпуса, командир корпуса – Гусев Николай Иванович. А корпус входит во 2-ю ударную армию – командующий армией генерал Клыков Николай Константинович. Главная цель 2-й ударной армии – прорвать блокаду Ленинграда.

Готовилась Любанская операция. Замысел этой операции заключался в том, чтобы ударом войск центра Волховского фронта (силы 2-й ударной и 59-й армии) и 54-й армии Ленинградского фронта прорвать оборону противника, развить наступление и соединиться в районе г. Любань, тем самым окружив и уничтожив большую группировку немецких войск в этом районе. Выполнение этой задачи давало нашим войскам в дальнейшем выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга.

Наступление началось 7 января. Оно велось в лесисто-болотистой местности, в условиях бездорожья, по глубокому снегу. В войсках не хватало автоматического оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. В течение трех дней наши войска пытались прорвать оборону немцев, но успеха не достигли. 10 января командующий фронтом временно прекратил атакующие действия частей. В этот же день у 2-й ударной появился новый командарм – генерал-лейтенант Н.К.Клыков.

На Волховском фронте были перегруппированы силы, сосредоточены резервы. 13 января после полторачасовой артиллерийской подготовки наступление возобновилось на всем участке центра Волховского фронта. К сожалению, только 2-я ударная армия имела основной и единственный успех в этой операции. Её натиск действительно был страшен. Усиленные резервами, переброшенными с других участков фронта, войска второй ударной 17 января прорвали первый оборонительный рубеж противника. К концу января ей удалось вклинуться узкой полосой между деревнями Мясной Бор – Спасская Поляна, в расположение 18-й армии противника, и

продвинуться в глубь немцев на 75 км, перерезав железную дорогу Новгород – Ленинград. Передовые части 2-й армии вышли на подступы г. Любань и охватили вражескую группировку с юга. Остальные армии фронта практически остались на исходных рубежах и вели тяжелые оборонительные бои.

Между 2-й ударной и 54-й армией Ленинградского фронта оставалось всего 55 км.

* * *

По прибытии на ст. Большой Двор спешным порядком была произведена разгрузка, и 236-й полк в составе 87-й кавдивизии конным строем двинулся на Тихвин. Во время марша стало известно, что наши войска взяли Тихвин и успешно продвигаются к реке Волхов. Дивизия в составе 236-го, 241-го, 244-го кавполков продолжила «марш» на Волховский фронт походным порядком: все бойцы шли пешком, а на лошадях в седлах транспортировали боеприпасы и фураж.

– Ну вот, Леонтий, а ты падать учишь, падать, чтоб ребра не сломать! Второй месяц на лошадь не садились, – ворчал Иван Бахарев. – Эвон, змеиногорцы за лошадей как спрятались, не то что немец, я их уже неделю не вижу и не слышу.

– Это они с лопаты соскользнули. Да затаились, чтоб табачком не делиться, – поддержал его Гриша Меньшиков.

– А чё, у них еще табачок остался? Я бы погрелся малость табачком-то. А то мороз гуляет под шинелькой.

«В январе-апреле 1942 г. ударные группировки Ленинградского и Волховского фронтов предприняли наступление навстречу друг другу на Любанском направлении с целью разгрома немецкой группы армий «Север» и деблокаживания Ленинграда. Главная роль в этом наступлении отводилась соединениям 2-й ударной армии Волховского фронта. Навстречу войскам Волховского фронта в направлении на Любань наступала 54-я армия Ленинградского фронта. Активная роль в наступлении отводилась 13-му кавалерийскому корпусу генерал-майора Н.И. Гусева. Корпус был сформирован в конце декабря 1941 – начале января 1942 г. из 25-й кавдивизии полковника Д.М. Баринова, 80-й кавдивизии полковника Л.А. Сланова и 87-й кавдивизии («алтайской») полковника В.Ф.Трантина.(3) Командовать корпусом был назначен боевой опытный командир Николай Иванович Гусев. Директивой командующего Волховским фронтом за № 0021 от 23 января 1942 г. 13-му кавкорпусу в составе 25-й, 87-й кавалерийских дивизий, 366-й стрелковой ди-

визии и трех лыжных батальонов было приказано с 6 часов 24 января войти в прорыв на участке 2-й ударной армии и разгромить остатки противника в полосе Ленинградского шоссе, не допустив образования обороны противника на реках Тигода и Кересть. Была поставлена задача к исходу 25 января выйти на р.Трубица, выдвинув передовые отряды к Сенной Керести, Новой Деревне, Финеву Лугу. В дальнейшем наступать в общем направлении Ольховка, Апраксин Бор и Любань. Не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово – Ленинград и овладеть Любанью.

Искусно используя глубокие ложбины перед линией немецкого фронта, красноармейцы врубились в позиции противника, раздавили цепь опорных пунктов и главными силами 13-го кавалерийского корпуса из состава 2-й ударной армии, словно вода в половодье через прорванную плотину, устремились в немецкий тыл. Постоянно бросая в трехпяткилометровую брешь новые и новые части, русские продвигались к дороге Новгород – Чудово. В кошмарный мороз, когда столбик термометра опускался до отметки 30-40 градусов ниже нуля, рассеянные немецкие роты закреплялись на лесных полянах и рощицах, на высоких снежных холмах и заставляли красноармейцев дорогой ценой платить за каждый шаг продвижения. Бойцам 13-го кавалерийского корпуса понадобилось четыре дня, чтобы покрыть восьмикилометровый путь до дороги. Когда же они наконец вышли к ней, то достигли немного, поскольку три немецких укрепленных пункта – Мостки, Спасская Полисть и Земтицы – продолжали сдерживать натиск. Окруженные русскими, эти опорные пункты продолжали держаться на протяжении нескольких недель в тылу советского наступления. Они стали основными точками притяжения сил в боях за жизненно важные дороги, связывавшие север и юг Волховского фронта. Это был превосходный прорыв, но «тоннель», по которому продвигались войска, оказался чересчур узким». (3)

Тридцатиградусные морозы, бомбежки с воздуха и плохие дороги сдерживали передвижение дивизии, но, тем не менее, во второй половине января 1942 года она вышла на намеченные позиции и с 18 по 22 января находилась в резерве фронта в районе Большой Вишеры, где сосредоточились достаточные силы для развития наступления.

После непродолжительного отдыха, 26 января, дивизией был получен приказ выдвигаться в прорыв в район северо-западнее Мясного Бора и освободить от врага населенный пункт Ольховка. В дальнейшем наступать в общем направлении Ольховка, Апраксин Бор и Любань, не позднее 27 янва-

ря перехватить шоссе и железную дорогу Чудово – Ленинград и овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться... Это означало, что пришло время необстрелянной дивизии вступить в бой. Этим же днем 236-й кавполк впервые был атакован немецкой авиацией. При появлении бомбардировщиков и истребителей кавалеристы бросились врассыпную, но шедший всю ночь снег помешал бойцам быстро рассредоточиться и укрыться в перелесках и овражках. В результате более сорока человек были убиты и ранены, также было уничтожено несколько пулеметных расчетов.

После того как воздушная атака противника закончилась, полк, преодолевая бездорожье и глубокий снег, все-таки атаковал деревню Ольховку. Фашисты сопротивлялись отчаянно, у них было большое преимущество: хорошее вооружение и укрепленные пулеметные точки с хорошим обзором для ведения боя. Знали бы они, что их атакуют не обстрелянные и наспех обученные бойцы, еще недавно бывшие деревенскими мужиками.

В пылу боя Леонтий потерял из виду своих сотоварищей, только односельчанин Иван Бахарев держался рядом с ним. Они и ещё несколько бойцов, заскочив в деревню со стороны огородов, спешили с лошадой, пролезли через разваленную изгородь, проползли по глубокому снегу и залегли возле какого-то сарая. По всей деревне были слышны взрывы, пулеметные и автоматные очереди, пули, казалось, летели со всех сторон, не давая поднять головы.

Первый бой

— Так, Иван, ты помнишь, как на охоту в забокке ходил? Или ты не охотник?

— Да охотник я, я же тебе уже говорил, что охотник. И чё?

— Так вот лежи и слушай, понял?

— Чего слушать-то?

— Чего, чего! Откуда пуль больше летит, а откуда меньше. Это и слушай. И вы, мужики, глядите, где нам фрица лучше отстрелить.

А сам думал: «Надо же, попали по самые уши, как куры в ощип, чё делать-то, где эти наши командиры, куда наступать-бежать, куда стрелять... вот как в полымя бросили, и ...никого!»

Что предпринять, Леонтий не знал, а сдуру помирать охоты не было. Ждать надо, осмотреться. «Паша, Маша, Коля, Федя, Гена...» – как молитву молвил он про себя.

Снег пошел большими хлопьями, начинало смеркаться.

— Мужики, расползитесь хоть по сторонам чуток, кто-нибудь гляньте – в сарай можно залезть, и с того

угла сарая посмотрите, чего там с той стороны делается, может, пулеметчика или пушку приметите.

Леонтий уже сосредоточил свое внимание на чердаке дома, находящегося метрах в двадцати от них, откуда пулеметный расчет немцев стрелял вначале в сторону сарая, явно просто не видя их, а затем переместил размеренную стрельбу в улицу. Видимо, там залегли наши.

– Иван, видишь окно на чердаке?

– Вижу.

– Ты лежа, я с колена стреляем на три. Бери в прицел чуть ниже и правей на локоть, я возьму чуть выше и ещё правей. Потом ты сразу перезаряжай, бери чуть левей и ниже и сразу стреляй, понял? На три. Раз – два – три.

Два выстрела слились в один, потом еще вслед – бах, бах. Немецкий пулемет смолк. Леонтий, согнувшись почти до земли, побежал от сарая к дому, на ходу достал лимонку, кинул её в окно дома и залёг за крыльцом. Рядом плюхнулся Иван. Взрыв лимонки вынес оконные рамы, в избе никто не вскрикнул, значит, там пусто. А по улице уже бежали красноармейцы и впереди них с немецким автоматом майор Романовский. Леонтий с бойцами двинулись вдоль улицы по огородам, осматривая сараи, погреба и дома. В нескольких погребах были жители деревни, выгнанные из домов немцами. От вида сельчан, находящихся в одном из погребов: старика со старухой, женщины лет сорока и трех ребят-шек, закутанных в разные платки и лохмотья, которые при свете зажженной лучины смотрели на солдат обреченным взглядом, Леонтию стало не по себе, колкие мурашки пробежали по спине. Он представил на месте этих ребят своих детей. Да так ясно представил, что ему стало зябко. «Ну, нет! Этого не будет никогда!» – дал он клятву себе.

– Как вы тут, никто не ранен?

– Да нет, милоч, раненых нема. Холодно зато только да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

– Ничего, мать, прогоним! Дайте только время обозлиться.

– Да вы уж их быстрее прогоните, что ли!

– Прогоним, прогоним, мать!

Стрельба не утихала, но показалось, что переместилось направление обстрела. Было ощущение, что прошла целая вечность.

На левом фланге начали стрелять наши пушки: это взвод полковой батареи старшего лейтенанта Ващева блокировал дорогу на Вдицко и вел огонь по немецким пулеметным точкам. Это расчет орудия полковой батареи 236-го кавполка, выкатив 76-миллиметровую пушку на открытую позицию, начал

обстрел Ольховки. Через некоторое время в той стороне одна за другой умолкли три пулеметные точки фашистов. Это дало нашим подразделениям к 16 часам, до темноты, полностью освободить деревню Ольховку. Во время отступления гитлеровцев по дороге на Вдицко артиллерийский расчет Степанова продолжал стрелять картечью по отступающим и уничтожил еще несколько гитлеровцев.

После почти семичасового боя немцы спешно покинули деревню под прикрытием наступившей темноты и продолжающегося снегопада. В таких условиях преследование врага было решено не продолжать, и командиром полка майором Романовским был отдан приказ закрепиться в деревне Ольховке, собрать трофеи, тела убитых и отправить раненых в тыл.

Один из домов в центре села был занят под штаб полка. Поздно ночью майор Романовский собрал командиров взводов и эскадронов, он выглядел больным. Все командиры тоже были очень уставшие, но в приподнятом настроении, ведь это была их первая победа в первом бою.

– Поздравляю, товарищи командиры. Вы и бойцы хорошо поработали, знаю, что было трудно. Еще трудней будет. Немец, он теперь обозлился, что мы его в поля да леса загнали. Теперь ваша задача собрать своих бойцов, раненых отправить в тыл, определить места сбора по тревоге, обеспечить связь и расставить караулы. Смена караула каждые 2 часа. Исходя из результатов дневного боя, проведите инструктаж взаимодействия бойцов по тактике ведения боя. Обеспечьте горячим обедом бойцов и население Ольховки и дайте отдых бойцам.

Оглядев присутствующих командиров, майор уже более бодрим голосом произнёс:

– Молодцы вы, братцы, и красноармейцы молодцы. Первый бой выдержали достойно. Если нет вопросов, то все свободны. Поддержите добрым словом своих бойцов. Сбор здесь в 6 утра. Капитан Надирадзе, нужно установить связь с другими полками и штабом дивизии.

– Есть. Вам бы отдохнуть, товарищ майор! Плохо выглядишь, командир.

– Хорошо, часика два вздремну, потом разбуди, пойду караулы проверю...

«Надирадзе Георгий Александрович, год рождения __.__.1913 г., в РККА с __.__.1929 года, место рождения: Грузинская ССР, Ахалкалакский р-н, с. Килда. Доброволец. Капитан. До 07.02.42 г. – замкомандира 236-го кавалерийского полка, с 7 по 9.02.42 и.о. командира 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии 236 КП 87 КД 13 КК 2 УА».(4)

После боя бойцы полка собрали свои первые боевые трофеи: 5 лошадей, 8 грузовых машин, 1 легковую, 42 артиллерийских орудия, 20 мотоциклов, 24 повозки с фуражом и продовольствием. По деревне были собраны тела убитых немцев, более 50 человек, и сложены в овражке за селом. Своих погибших однополчан похоронили тоже на краю села, в ближайшей ложбине, но в другой стороне от немцев, молча почтили память. Это были первые потери тех, с кем еще сегодня утром вместе завтракали, а днем бок о бок шли в атаку. Раненые были отправлены в тыл. Ни среди погибших, ни среди раненых Леонтий с Иваном не нашли своих товарищей, только уже к утру отыскался Григорий Меньшиков. А Алексей Обидин и Яков Матвеев так и пропали. Не объявились они ни на следующий день, ни в другие дни.

– Да, видимо, погибли наши друзья-однополчане, Яков и Алексей.

– А может, в плен попали?

– А может, раненные в той бомбежке, лечатся теперь где-нибудь в медсанбате.

– Может, и так...

Не знали они тогда, да и не могли знать, что их сотоварищи Обидин А.Ф. и Матвеев Я.Е. погибли во время той первой авиабомбежки в районе деревни Мясной Бор.

«Обидин Алексей Федорович. Дата рождения __. __. 1902 г. Место рождения: Алтайский край, Змеиногорский р-н, пропал без вести 26.01.1942 г. в районе д. Мясной Бор. Номер описи источника информации-818883.

Матвеев Яков Ефимович. Дата рождения __. __. 1911. Место рождения: Алтайский край, Змеиногорский р-н, с/с Плосковский, пропал без вести 26.01.1942 г. в районе д. Мясной Бор. Номер описи источника информации-818883». (5)

Ночь прошла спокойно, вымотанные за прошедший день бойцы, спавшие вповалку в нетопленных домах и сараях, утром просыпались с трудом. Огонь и костры жечь было запрещено. И никто из них не мог себе представить, что эту ночь те, кто останется в живых до весны, будут вспоминать как райскую ночь. Больше такой спокойной ночи у них просто не будет...

Связь со штабом была налажена. Майор Романовский всю ночь ходил по Ольховке, проверял караулы, заходил в дома, где отдыхали солдаты. В некоторых домах были и хозяйева, местные жители, которые не эвакуировались перед приходом немцев и вчерашний бой пережидали в погребах.

– Сынок, как же дальше-то жить будем? Неужели

ли под немцем останемся, когда вы уйдете. Ох, страшно-о!

– Нет, мать, не останетесь, мы их побьем все равно.

– Да уж хоть бы. Деточек жалко...

В душе майора всё перевернулось, что-то больно кольнуло в груди и заняло под лопаткой, в голове запульсировало. Что он мог сказать этой старухе, этим деревенским теткам и старикам? Он и сам не знал, что будет дальше. То, что Красная армия победит, это было ясно. Но когда это будет? Не знал про то майор Романовский. Враг силен. Вдруг голову сковала широким кольцом тягучая боль, в глазах на какое-то время потемнело, потом темнота отошла. Но что-то странное стало со зрением: перед ним стояли люди в разном цветовом изображении – его заместитель капитан Надирадзе выглядел как обычно, а вот местные жители были как на черно-белом фото. «Что за наваждение?» – мелькнула мысль у майора. Тряхнул головой, закрыв и открыв глаза. Голова кружилась, а перед ним стояли обычные люди. «Следствие контузии, наверное», – подумал он.

– Всё будет нормально, мать, – как-то не совсем уверенно сказал майор, выходя из дома. – Нор-маль-но... всё... будет...

Проходя мимо одного двора, майор увидел старого знакомого бойца, раздетого по пояс, обтирающегося снегом.

– Вроде Леонтий тебя по имени зовут, боец? Не простынешь в такой мороз раздетым-то?

– Да нет, товарищ майор, привыкший. Дома-то каждую субботу в баньку да в прорубь раз по несколко. И ничего.

– А где твои друзья-товарищи? Все живы? Что-то не видать.

– Да вот двоих пока нет. Ни в раненых, ни в убитых. Заплутали, может, где, вон какая метель вчера была. А может, и хуже.

Из дома вышли два бойца и подошли к ним.

– Здравия желаем, товарищ майор.

– Здравствуйте, бойцы, кажется, Иван и Григорий. Вот смотри, капитан, про этих бойцов я тебе говорил тогда в Барнауле. Сообразительные бойцы.

– Помню.

Вдруг в голове майора опять что-то щелкнуло, и на какой-то миг он увидел, что рядом с Леонтием стоят два бойца как с черно-белого фото.

– Скоро в бой, держитесь вместе, бойцы.

Майор с капитаном вернулись в штабную избу. Вскоре собрались командиры взводов и эскадронов.

– Подведем итоги вчерашнего боя. Слушаю вас, товарищ капитан.

– Наши боевые трофеи 27 января 1942 г. состави-

ли: 5 лошадей, 8 грузовых машин, 1 легковую, 42 артиллерийских орудия, 100 велосипедов, 20 мотоциклов, 24 повозки с фуражом и продовольствием. В деревне собраны более 50 тел немцев, за деревней, по дороге на Вдицко, полковой батареей уничтожено ещё около 20 фашистов. Согласно спискам командиров взводов в бою отличились: командир 4-го эскадрона старший лейтенант Е.С. Заровный, он первым ворвался в деревню, был дважды ранен во время атаки и только после третьего тяжелого ранения его вынесли из боя. Лично он уничтожил две огневые точки и 12 фашистских солдат. Отправлен ночью в тыловой госпиталь. Красноармеец С.Г. Строгов один из первых ворвался в деревню со станковым пулеметом и уничтожил до 10 солдат противника. Красноармеец Степанов, наводчик полковой батареи, – это он уничтожил около 20 гитлеровцев на дороге Вдицко. Также в бою отличились сержант Ф.Е. Леонов, замполитрука П.В. Мартынов, красноармеец Д.С. Бобков, старшина 1-го эскадрона Н.Е. Пометко, красноармеец Л.С. Гуляев. Наши потери составили: до начала боя, во время авиационной бомбардировки вчера утром в общей сложности 52 человека: 11 ранены, 32 убиты, 9 пропали без вести. Во время боя в деревне Ольховка погибли 26, ранены 15.

– Так, ясно. Потери большие. Но это война, и враг сильный и хорошо обученный. Так что, товарищи командиры, постоянно ведите разъяснительную работу среди бойцов, подсказывайте и обучайте по возможности. Теперь о главном: нами получен приказ в течение двух дней провести глубокую разведку в направлении Ольховские хутора – урочище Кривенский мох – Сенная Кересть. Проводя разведку, смотрите своих не постреляйте: в районе Вдицко находится в наступлении 240-й полк, а в районе Новая Деревня – 241-й. До особого распоряжения наш полк закрепляется в Ольховке. Командирам взводов обеспечить караульную службу. Бойцам, находящимся на отдыхе, привести оружие в боевую готовность, отдохнуть, накормиться. По сведениям дивизионной разведки, немцами устроены укрепленные блиндажи и дзоты. Нужно разведать их точное расположение, подходы к ним. В Ольховке решено расположить тыловые службы дивизии, стало быть, после разведки мы будем наступать. А вот куда – дождёмся приказа. И ещё раз напомню вам о необходимости вести с каждым бойцом личную беседу, инструктировать его, как ему действовать. Вопросы есть? Нет. Все свободны.

Ручьи. Апраксин Бор

«28 января 1942 года 240-й полк дивизии овладел Вдицко, уничтожив до 100 солдат и

офицеров противника, захватив одно орудие и 7 автомашин. 29 января 1942 года 241-й полк взял Новую Деревню, где нанес удар по тылам 215-й пехотной дивизии, уничтожив до 60 солдат и офицеров противника, взяв в виде трофеев 15 грузовых, 6 легковых автомашин, тягач, 8 мотоциклов, 13 пулемётов, 6 миномётов и боеприпасы. Дивизия, продолжая наступать в направлении на Любань, в ночь на 30 января 1942 года вместе с 45-м, 46-м, 49-м лыжными батальонами освободила деревни Кривино и Новая, продвигаясь на север, вместе с 53-й стрелковой бригадой и 169-м, 170-м, 171-м лыжными батальонами освободила деревни Тигодский Завод и Червино. Но далее у деревень Крапивно, Ручьи и Червинская Лука наступление дивизии застопорилось, и, несмотря на то что в помощь ей были направлены 57-я стрелковая бригада и 25-я кавалерийская дивизия, сломить противника не удалось». (3)

28 января 236-й кавалерийский полк получил приказ выдвинуться в наступление на деревню Ручьи, и 30 января полк подошел к окраине деревни. Справа было село Крапивно, слева Червинская Лука, но овладеть Ручьями полк не смог. В этом районе немцами были созданы прочные укрепления: дзоты вокруг деревень и пристрелянные артиллерией участки территории со стороны района Апраксин Бор задержали наступление полка. Это уже было серьезнее боя за Ольховку.

Как выяснилось после нескольких неудачных атак, днем вести наступление не представлялось возможным: почти полное отсутствие дорог, глубокий снег, покрывающий толстым слоем огромные болота, неглубокие длинные балки и ложбины полностью парализовали кавалерию. Был отдан приказ спешиться. Коноводы отвели лошадей в перелески. Спешенные кавалеристы предприняли атаку, но глубокий снег не давал возможности быстро атаковать, и на открытом пространстве они стали отличной мишенью для немцев, засевших в дзотах. И артиллерия немцев размеренно обстреливала подходы к Ручьям. Перед немецкими позициями всё было изрыто снарядами и устлано трупами бойцов, тяжело раненые, потеряв сознание, просто замерзали, легкораненые пытались ползти через эти трупы и погибали от пулеметных очередей из дзотов. В этих дневных боях красноармейцы забирались в воронки и прятались за трупы.

Леонтий с Григорием и Иваном завалились в ближайшую воронку. Пули свистели над головами, а впившиеся в мерзлый грунт рядом с воронкой шипели как ядовитые змеи, растапливая снег и лёд. Недалеко от их ненадежного и маловатого для троих убежища лежало несколько мертвых

тел бойцов, иногда чуть пошевеливающихся от попадавших в них пуль.

– Хоть это и не по-нашенски, но надо бы их поближе к воронке подтащить, как бруствер защитный сделать, да простят нас ребятаки!

– Ты что, Леонтий, всерьёз это?

– Всерьёз-всерьёз, куда уж серьёзней. Им уже не помочь! Нету их, понятно, нету! Нас, ежели убьют, пусть другие так же сделают! Спрятавшись за них, мы хоть ещё повоюем, постреляем нескольких фрицев. А шальной пулей нас убьёт, каков толк от того? Мне тоже ребят жаль, но мы тут в бою все на равных под пулями! Так вот я мыслю. В Гражданскую так делали.

Стрельба прекратилась, как показалась, внезапно. Кое-где, в отдалении, то справа, то слева «потявки» короткие очереди, но вскоре и они смолкли. Звенящая тишина накрыла колючим холодом. Мороз, который не чувствовался во время обстрела, стал предательски залезать под одежду, колоть лицо. Ветер нес по полю снежную пыль, смешанную с земляной пылью, поднятой снарядами.

– Судя по затишью, полдень, обед, поди, у фрицев, – откашлявшись, произнес Леонтий.

– Пора нашу задумку исполнить, а то до темноты еще далеко, а как начнёт немчура прицельно стрелять, то нам мало не покажется.

Над полем с левой стороны глухо пронеслась команда от воронки к воронке:

– Приказ командира: до темноты не атаковать, в ночь отойти на исходные позиции. Дальше по цепочке передать!

Григорий, лежавший на боку, тоже заорал в правую сторону: «Приказ командира: до темноты не атаковать, в ночь отползать на исходные позиции. Дальше передать!»

– Чего орёшь-то!

– По цепочке передаю!

– Вообще-то, в приказе «отойти» сказано, а не отползать!

– Видишь ли, Леонтий, рифма получается: атаковать – отползать – передать!

– Твою мать!

– Это в приказе не вписывается!

– Ну, вот ожили в тишине, это хорошо. У нас, наверное, минут тридцать времени есть, чтоб укрепить воронку до следующего обстрела. Так что давайте поспешать. Я вылезая, хватаюсь за тело, а вы меня быстро втаскиваете в воронку.

– Ясно.

– Начнем. Только быстро меня тащите.

Леонтий высунул шапку из воронки, подержал некоторое время. Тишина. Никто не стрелял. Тогда медленно, вжимаясь в снег, он выдвинулся навстре-

чу со смертью, вытянув руки вперед, пополз ужом, бороздя щекой колючий снег. Двадцать сантиметров, полметра, метр. Сердце колотилось так, что, казалось, немцы в дзоте слышат этот стук. Руки ткнулись в мертвое тело. Зацепившись замерзшими пальцами за одежду убитого, Леонтий прошептал:

– Прости, браток! Не по-нашенски это, но так уж вышло.

– Тащите, мужики!

Потянули, как показалось, медленно. «Вот сейчас фрицы начнут стрелять... вот сейчас!» Но стрельбы не было. Снег забивался под ватник, шапка снялась с головы и тащилась между рук. Вскоре Леонтий был втянут в воронку, труп бойца лежал на краю, его лицо было повернуто к ним, и заледеневшие глаза, казалось, смотрели в упор.

– Закройте ему глаза! Да простит он нас за это, – сказал Леонтий, выгребая снег из-под ватника. – Надобно ещё одного подтащить, надёжней будет. Сейчас малость передохну и повторим.

Со вторым тоже прошло гладко.

– Документы надо бы забрать у ребят и медальоны.

– Ну вот, от пуль мы чуть схватились, ну а уж если снаряд упадёт, значит, судьба!

Полуденный мороз не отпускал, небо было затянуто серыми тучами. Лежать в тесной воронке, даже прижавшись друг к другу, становилось холодно. До наступления темноты было часа три. Эти часы могут стать последними для многих. Вдалеке послышался шум немецкого самолета-разведчика. «Сволочь! Сейчас рассмотрит всех нас сверху, и артиллерия накроет. И всё!»

После проведенной авиаразведки немецкая артиллерия начала размеренный обстрел. Несколько снарядов разорвалось неподалеку от их укрытия: вот справа – бух, бух, потом слева и прямо чуть ли не у них в головах – бух. В ушах стучало глухо: бум-бум-бум. А тело убитого бойца скатилось им на головы... Примерно через час артиллерийская стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. Снежная и земляная пыль, перемешанная с морозным воздухом, провонявшим дымом, пороховой гарью и болотом, медленно опускалась на поле, а ледяная земля гудела и вибрировала как от боли. «Живы! Живы, опять живы!» Леонтий пошевелил правой рукой, стряхнув землю, потрогал рядом лежащего Григория. И как будто издали услышал приглушённый голос:

– Чё ты меня лапаешь, я ж тебе не девка! Живой я, живой!

– Фу ты, балабол.

Слева стал приподниматься Иван, трясая головой. Леонтий придержал его:

– Иван, лежи! Не вставай! Ну, слава богу, живы!

Придя в себя, они сообща вытолкнули тело убитого из воронки. Начало темнеть. Немцы короткими очередями постреливали из дзотов.

Под покровом ночи оставшиеся в живых ползком покидали «поле боя», забирая у убитых винтовки и обоймы с патронами, тем самым пополняя свои скудные запасы: патронов бойцам выдавалось по одной-две обоймы, это 10 патронов на одну винтовку!

Руки и ноги после многочасового лежания на морозе практически без движения, в тесной воронке, отказывались выпрямляться и сгибаться. Иван, Григорий и Леонтий, подталкивая друг друга, с трудом выбирались из своего укрытия, только сейчас они ощутили настоящий холод, который пронизывал до самых костей, и стеганные штаны и фуфайка не спасали от мороза. Зубы стучали дробью от холода и расслабления после нервного напряжения. «Ползти, ползти», – пульсировало в голове. Стыда от того, что они отползают от немецких позиций, не было, было непонимание ситуации...

«Подснежники» и дзоты

Выйдя на «исходные позиции», до ближайших перелесков, куда не могла достать артиллерия немцев, уцелевшие бойцы полка, получив приказ рассредоточиться и окопаться, разгруппировались по своим отделениям, взводам и эскадронам и стали готовиться к затяжному ожиданию то ли наступления, то ли обороны. При 30-40-градусном морозе о выкапывании щелей или окопов в мерзлой, ледяной земле не могло быть и речи, поэтому из воронок устраивали своеобразные землянки, накрывая их ветками, в сосновых рощах сооружали шалаши, тоже из сосновых веток, засыпали сверху снегом.

Сложнее было спрятать лошадей.

В глубине рощи соорудили несколько десятков укрытий. Полку был дан приказ: рассредоточиться небольшими группами по три-пять человек на расстоянии друг от друга пятнадцать метров, до утра полностью подготовить и замаскировать убежища, так как утром немецкие самолеты-разведчики обязательно будут изучать местность и определять квадраты для бомбёжки и обстрела. Леонтий с сотоварищами, Иваном и Григорием, решили оборудовать укрытие в длинном овражке, на окраине перелеска, максимально ближе к деревьям, по всем правилам сибиряков-охотников. Работали молча. Выкопали в плотном, слежавшемся снегу под небольшим углом лаз-углубление до твердого дна овражка, установили плетеную еловую лесенку, расчистили вглубь в виде кувшина пещерку, устелили дно мелкими сос-

новыми ветками, более толстыми укрепили потолок, снаружи еловыми ветками обозначили условный периметр своей «берлоги». В дальнем углу оставили место для разведения огня: кипятик вскипятить, погреться при случае. Под утро, съев по сухарю, голодные и уставшие, но согревшиеся от работы, прикрыв вход сплетенным из веток творилом, прижавшись друг к другу, они заснули.

Снаружи лютовал буран: морозный колючий ветер заносил снегом тела погибших во вчерашнем бою, прикрывал ночные следы живых и места укрытий красноармейцев.

С наступлением вечера и после окончания немцами артобстрела бойцы выползали из своих укрытий для осуществления ночного наступления. Командиры отделений собирали своих оставшихся в живых бойцов.

– Бойцы, перед нами поставлена задача: уничтожить противника в дзотах, прорвать их оборону и удержаться на занятых позициях. К нам на помощь идут две стрелковые дивизии. До их подхода будем удерживать занятые позиции. Задача ясна? Далее, бойцы, при продвижении необходимо проверять воронки и овражки, возможно, там могут быть раненые. В ночную атаку пойдем пешком. Проверить свое оружие, обмундирование, обувь, выступаем через час.

В отделении Леонтия осталось семь человек вместе с сержантом.

– Ещё не воевали, а уже шестерых нет.

– Кто знает, что дальше будет.

– Бойцы, во время атаки держитесь в 3-4 метрах друг от друга, без надобности не стрелять. Передвигаться перебежками, используя естественные укрытия: воронки, расщелины. Выйдя на позиции, оцениваете обстановку и ждёте моего приказа.

Шли молча, в голове ещё гудело от вчерашних взрывов. По ходу проверяли воронки: смерть вставала из воронок, частично занесённых снегом, в некоторых в разных позах лежали бойцы, одни были убиты, другие, возможно, просто замерзли, будучи тяжелоранеными или без сознания. Страха и жалости не было, была обида. Обида на то, что вот так может через минуту или час упасть и лежать любой из них. «А фашист сидит в дзоте и ждёт свою мишень, – думал Леонтий. – И когда же они успели так быстро дзоты понастроить, как узнали, что именно здесь надо строить, что здесь будут бои». Впереди на черном горизонте вырисовывались шапки дзотов.

По цепочке прозвучала команда:

– Ползком максимально приблизиться к рубежу противника. Залечь и подготовиться к атаке.

Где короткими перебежками, где ползком прод-

вигались бойцы, защищённые ночной метелью. Леонтий чувствовал приглушенное дыхание Григория и Ивана справа и слева от себя. Как-то неожиданно шум и завывание метели разрезали пулеметные очереди, слева, из дзотов, Леонтий ткнулся в снег, стараясь глубже вмяться в него. Тут же началась стрельба по всей линии, и перед ним прошипели пули, расплавляя снег. Следующая очередь просвистела сзади, кто-то глухо простонал и умолк. «Пристреляли местность, сволочи. Ровно кладут. Ну, нет, я так просто не дамся! Паше пообещал живым вернуться!» Леонтий резко продвинулся вперед на метр, буравя снег впереди себя, и свалился в воронку. Сзади, где он только что лежал, простучали пули, вспарывая мёрзлую землю. Прикладом винтовки, обстучав край воронки, Леонтий оборудовал себе позицию для стрельбы. Впереди, метрах в сорока, над снежным полем торчал дзот, из которого размеренно велся пулеметный обстрел. Периодически с немецкой стороны взлетали белые ракеты, освещая вспаханное взрывами поле и цепочки немецких дзотов, размеренно простреливающих свои сектора. Прямая атака была невозможна.

– Леонтий, ты здесь? Живой? – донёсся до него справа голос Григория Меньшикова.

– Живой! Ты как?

– Тоже пока нормально. Во жмёт немчура, патронов не жалеет!

Ночные вылазки в наступление приносили мало пользы. Подползали максимально близко к немецким позициям и лежали в ожидании появления случайного фашиста в поле, выстрела и в бойнице дзота. Иногда предпринимались атаки, но немцы открывали пулеметный огонь, и приходилось с потерями отходить на позиции, недоступные обстрелу.

Нужны были артиллерия и поддержка авиации. Но ни того ни другого не было.

Буран усиливался, засыпая лежащих красноармейцев. Немецкие дзоты скрывались из виду в снежной круговерти, и потому еще интенсивней стали вести обстрел.

Над воронкой, где находился Леонтий, возник заснеженный взводный Никонов:

– Живой? Не уснул случаем?

– Живой.

– Приготовиться к атаке, самое время. Метель нам помощница. По сигналу ракеты – в атаку.

Взводный так же быстро исчез, как и появился.

Погладив винтовку и взяв её удобней, Леонтий изготавился к атаке.

Пулеметные очереди ложились дружно, размеренно взрыхляя мерзлую землю, разлетавшуюся ледяными брызгами.

– Сколько же у них патронов заготовлено, строчат без остановки! А у нас тут по десятку на брата!

Справа донесся голос Григория:

– Леонтий, сколько ж это у них патронов-то. Хоть передохнули бы, что ли!

– Про то же сейчас думал. Готовься, скоро сигнал подадут.

– Готов уже.

– Слышь, Леонтий, если что, убьют меня, не бросай здесь, хорошо?!

– Не дури, Гриша, прорвёмся. И мысли эти брось!

По сигналу ракеты бойцы цепочкой двинулись к дзотам. Те, кто встал в полный рост, были положены сразу. Те, кто выдерживал по несколько секунд после пулеметной очереди, сумели мелкими перебежками приблизиться к дзотам на 20-25 метров. В ход пошли гранаты. Где-то справа, вдалеке, осветились от взрывов боеприпасов сначала один, а немного погодя и второй немецкие дзоты.

Внезапно Леонтий ощутил кусающую и жгучую боль возле ребер в левом боку и упал, боковым зрением увидев, как какой-то боец слева от него резко остановился, словно ударившись о невидимую преграду, медленно опустился на колени, уронил винтовку и тут же уткнулся лицом в снег.

Жжение под мышкой растекалось теплым и липким.

Леонтий пошевелил пальцами, потом слегка рукой. Всё работало. «Значит, скользом прошло и нужно остановить кровь». Перевернувшись на спину, он расстегнул ватник, достал кисет с махоркой и заложил его на рану, прижав рукой. В голове стучало и шумело. Подполз Григорий:

– Леонтий, ранен? Куда? Давай перевяжу.

– Да уже, махоркой перевязался!

Немцы перенесли пулеметный обстрел из дзотов на ближайшие подступы к своим позициям. Немецкая артиллерия молчала, видимо, чтобы не попасть в свои укрепления, но атака прекратилась: был получен приказ снова отойти на исходные позиции, забирая раненых и оружие убитых.

Позже к Григорию и Леонтию присоединился Иван, и они сопроводили его до полевого госпиталя, который располагался в перелеске, недалеко от их «берлоги».

В госпитальной палатке было много раненых, одни громко кричали, кто-то стонал, а кто-то сидел молча, закусив от боли губы до крови. Молоденькая медсестра обработала и перевязала раны, вернув ему окровавленный кисет:

– Это вы правильно сделали, что вот так остановили кровотечение и обеззаразили раны. Я сразу и не подумалась бы до этого.

– Махра, дочка, давнее средство лечебное. У нас в

Сибири все про то знают. Не раз выручала, даже зубную боль вмиг снимает. Ну, спасибо тебе, дочка. Подлечила. Пойду я.

Пока Леонтий был на перевязке, Григорий с Иваном провели лошадей и узнали новости прошедшего боя.

– Представляешь, Леонтий, это наш, тот молодой лейтенант Малахов, помнишь, это он целых два дзота забросал гранатами.

– Не помню, но молодец лейтенант! Я вот только его не припомню, это ты шлындаешь везде и всех знаешь. Как там кони? Седого-то видели?

– Нормально всё. Коневоды ухаживают, блюдут службу справно. А Седой твой так вообще красавчик! А ещё говорят, что нам на смену подходят две стрелковые бригады. Не обманул взводный. А мы, значит, почти в тыл отойдём, на отдых и пополнение. Живы пока, слава богу!

– И когда ты, Гриша, всё успеваешь выведать? Прямо дар у тебя на новости.

– Планида у меня такая, Лёва! А лейтенанту, наверное, орден дадут, это точно, не меньше! Два дзота за раз завалить! А мы вот по амбразурам стреляли, интересно, хоть одного фрица свалили? А? Как ты думаешь, Иван? Попал в кого-нибудь?

– Можя, и попал, почему я знаю. Стрелял вроде точненько в дырку!

– В дырку это ты в сортире стреляешь, а у дзота – амбразура! Усёк, Ваня?!

– Григорий, ну ты и ботало, у меня прямо от смеха повязка сползает.

– Смех, Лева, это хорошо! Раны быстро заживают. Всякие – и тельные, и душевные! А вот ещё, братцы, более всего заживает всякие дела там борщевец с мяском да с капусткой! Может, сегодня-то покормят горячим, пятый день сухари жуем.

По морозному воздуху и впрямь растекался приятный запах от полевых кухонь.

Ночные наступления в течение недели при сорокаградусных морозах, при господстве немецкой авиации и практически отсутствии прикрытия нашей авиацией, полное отсутствие артиллерии и минометов, а также хорошо укрепленные позиции немцев не приносили должного успеха. Но кавалеристы в спешном строю нанесли определенный урон противнику, хотя и несли большие потери. После ночных наступлений оставшихся в живых отводили на исходные позиции и там кормили.

Командиры отделения и взводов собирали своих бойцов.

Ряды бойцов полка после сегодняшнего боя ещё заметней поредели.

«30 января 87-я кавалерийская дивизия начала

наступление в северном направлении на Кривино, Ручьи и вдоль реки Ровань в районе Апраксин Бор и встретила здесь сильное сопротивление – много было построено вражеских дзотов! К одному из них на 15 метров подполз лейтенант В.Е.Малахов. Гранатами он уничтожил в дзоте 12 гитлеровцев. В течение боя со своим взводом он уничтожил еще два дзота. За проявленный героизм лейтенант 236-го кавполка В.Е. Малахов был награжден орденом Красного Знамени...(4)

Майор Романовский

На второй день февраля на помощь конникам и для их смены стали подходить 58-я отдельная стрелковая бригада и 57-я отдельная бригада. А за ними двигалась 191-я стрелковая дивизия. На правый фланг этих соединений к Сенной Керести выходила 4-я гвардейская дивизия генерал-майора Андреева. Через горловину Мясного Бора в прорыв стягивались все новые и новые части.

Днем бойцы повзводно, около часа, проходили политобучение, но находились в основном в своих ненадежных укрытиях: от ветра и мороза малость спасало, а вот от случайного попадания бомбы с самолетов не спасло бы. В этом случае как Бог укажет, туда и судьба повернет.

Больше холода досаждал голод. Продукты в полк поступали с большой задержкой. Выручал иногда постный бульон, приготовленный поварами из конины, чай из хвои и коры. И, чтобы отвлечь себя от нудного урчания в животе, отвлекались разговорами.

– Ну чё я говорил, смена подошла. Отдельные стрелковые бригады, да ещё с лыжниками. А то мы на копытах никак!

– Ну и добре. Теперь дело пойдёт.

– Конечно, пойдет. Вон и майор говорил на построении, что мы выполнили большую задачу, вон какие просторы заняли и сдерживаем. Погибло, правда, много... А вы обратили внимание, как-то плохо майор выглядит. Измотался весь. Мы, правда, тоже не подарки, но он чё-то здорово сдал.

– Заботы много, вот и сдал. Весь спрос-то с него.

Леонтий уже почти поправился. Даже стал опять по утрам обтираться снегом. Григорий это быстро подметил, а долго молчать он не мог:

– Дюжий ты, Леонтий! Как на собаке всё быстро зажило. У нас в деревне тоже один дед, ему лет 100, наверное, никто не знает точно, а он не говорит, живет один бобылём на окраине. Всё травки собирает, отвары какие-то лечебные варит. Вся деревня к нему ходит за отварами этими при хворобах. Так помню, один раз он шипом боярки веко под глазом разорвал, так дня через два ничего и не видать было.

Чисто, даже шрама не осталось. Во дедок какой! На него даже собаки не лают, уважают. Так и у тебя мясо с руки и боку снесло, а глядишь, уже как и ничего! Чудно!

– Так к деду твоему, поди, ещё и девки ходят!

– Вань, вот насчет девок не скажу! Не знаю. А некоторые молодки, после сорока, одинокие вдовушки, заходят. Совета спросить, поговорить, наверное.

– А чё, помоложе-то не могут найти? Мужиков, что ли, больше нет. Вот ты, например, чем не мужик?

– Понимаешь, Вань, у нас в деревне бабы дородные, дюже серьёзные собственницы, если что не так, сразу в глаз или кочергой. Не допускают, понимаешь, нашего мужика к блюду. Сами ни-ни, и нам не моги! Такая вот у нас идиллия в деревне. Бывали случаи, редко, так вся деревня собиралась концерт посмотреть, комедь сплошная. Часа на три хоровод.

– Не, у нас попроще. Хотя тоже на показ не побежишь, а так бывает.

– Леонтий, а как у вас в деревне народ поживает?

– Да живут как все, как везде, наверное. Я вот тут вспомнил чё: мне вот сорок два года, а уже считай пятая война. Русско-японская, германская, Гражданская, финская и вот эта опять с германцем. Вот сижу и думаю: в русско-японскую не много мужиков воевало с деревни, человек двенадцать – погибло трое, в германскую уже тридцать двух убило, в том числе и брательника моего старшего, Савелия, а в Гражданскую человек сорок колчаковцы порубали, и молодых и старых, и в финскую – четверых. Вот я и думаю, сколько в этот раз нашего брата поляжет, сколько бабы не дождутся да сколько детишек сиротами станут. Вот и думаю. А ты, Гриша, бабы да девки!

– Да то не я, Леонтий, то жизнь говорит. Вот убьют нас тут, а женкам-то как жить одиноким да молодым без мужика-то? Вот и думаю тоже, что внесет эта война коррективы жизни и в мою деревню. Бабы ж без мужика всё равно не смогут. Особо молоденькие, которые овдовеют. Чё им делать, коль мужиков не хватать будет! Вот он и расклад жизненный.

– Тут ты прав, не спорю. Я ещё вот что думаю...

Наверху заскрипел снег, и творило из еловых веток отодвинулось:

– Здравия желаю, бойцы, спуститься к вам можно? – это был голос, хоть и охрипший, но узнаваем, майора Романовского.

– Заходите, товарищ майор.

В углу «берлоги» тускло мерцала коптилка.

– Нормально обустроились.

И немного погода, привыкнув к полумраку, узнал старых знакомых:

– Это вы, братцы! Вот как мы с вами частенько встречаемся. Накурено у вас добре.

– Так теплее, товарищ майор. Покурите? – Григорий протянул командиру самокрутку. – Вот по кругу обогреваемся.

Майор затыкнулся и закашлял:

– Что-то махра у вас крепкая.

– Так боец Гуляев её своей кровью смочил, чтоб крепче за душу хватала.

– Что, ранен?

– Скользом, товарищ майор. Всё нормально.

– Ага, скользом. Подмышку насквозь прошило, теперь подсвистывает.

– Да ладно тебе, Гриша, балоболить! Мы вот тут, товарищ майор, говорили с мужиками про войны эти бесконечные. Вот, к примеру, в русско-японскую у нас отцы и деды с деревни воевали, так потом долго вспоминали о бездарности и безграмотности царских полководцев, которые проявились ими во время военных действий. Наш сосед, отец моего друга детства Ивана Волкова, Волков Илья тоже часто вспоминал о том, как они, молодые солдаты-сибиряки, были на маньчжурских полях брани практически безоружны и как вместо винтовок и снарядов к орудиям им привозили иконы, а они были беззащитным пушечным мясом... И после германской у нас в деревне много кто погиб, а многие калеками вернулись, тоже говорили, что все было плохо и с оружием, и с питанием. Вот и сейчас мы по десятку патронов имеем, про еду я уж и не говорю. Вот уж и немец под Ленинградом и Москвой. Как быстро добрался. Как-то не так опять получается, что ли?

– Прав ты, Леонтий. Во многом прав. Не все предусмотрели, много дров наломали, доверившись некоторым и заверениям гитлеровским. Но вот что, мужики, время сегодня тяжёлое, и лучше не затевайте эти разговоры с кем попало, всякое может быть. Народ у нас разный. Про себя думайте, а вслух не надо! Всё образуется, армия и народ у нас сильные, выдюжим. Заводы у вас в Сибири военные работали, и в Барнауле, и в Новосибирске, на полную мощь, так что скоро сломаем хребет фашисту. Обозлиться надо. Ну, хорошо с вами, прямо отдохнул, как дома побывал, дальше пойду. Скоро снова в ночную атаку пойдём, отдыхайте пока. А вообще, братцы, обозлиться надо крепко на немчуру! Надеюсь, что ещё увидимся, братцы-славяне!

Майор ушел, а мужики ещё некоторое время сидели в тишине, молча докуривая самокрутку.

«Когда 13-й кавкорпус Гусева и другие соединения вышли на линию Сенная Кересть, Ручьи и Червинская Лука, генерал Мерецков понял, что у него появилась возможность разгромить немецкие войска, сосредоточенные в районе Чудово, Любани. Достаточно перерезать Октябрьскую желез-

ную дорогу северо-западнее станции Чудово, и они окажутся отрезанными от главных сил, лишатся путей подвоза боеприпасов и даже не смогут отойти к своим. Но генерал армии явственно ощущал, как выдыхаются, становятся все слабее удары его прорвавшихся подразделений. Да, он потребовал от генерала Клыкова уничтожить противника в районе Острова и Спасской Полисти, а затем не позднее 6 февраля стянуть в район Сенной Керести и Ольховки 327-ю, 374-ю, 382-ю и 4-ю гвардейскую дивизии. Затем объединенными силами ударить в сторону деревни Пятница, после чего на станцию Бабино, что от Чудово в двадцати километрах. Гусевский корпус получил приказ выйти к Красной Горке, от нее близко Любань...» (3)

«Конники не подвели. Внезапно атакуя противника, 25-я кавалерийская дивизия подполковника Трофимова на плечах отступающих немцев ворвалась в село Дубовик и к концу дня 6 февраля вышла к Большому и Малому Еглино. Конники нанесли удары по флангам этих укрепленных пунктов, а приданная им 59-я стрелковая бригада полковника Глазунова атаковала железнодорожную станцию Еглино с фронта. Совершая марш по маршруту Остров, Абрамцево, Нестерково, Глебово, Савкино, Вальяка, передовой отряд под командованием подполковника А.Н. Трофимова, в подчинении которого находился 236-й кавполк, уничтожал на своем пути вражеские гарнизоны. После ожесточенного боя в ночь на 10 февраля эскадроны 236-го кавполка полностью овладели этими населенными пунктами. В этом бою было уничтожено до 80 гитлеровских солдат и офицеров. Передовые эскадроны 236-го кавполка, преследуя отходящего противника, на его плечах ворвались на южную окраину деревни Конечки, но были встречены минометным артогнём. После ожесточенного упорного боя 236-й кавполк вынужден был отойти к линии железной дороги, что южнее 300 метров селения Конечки, прочно закрепив за собой занятые позиции до подхода полков 25-й кавалерийской дивизии». (4)

За неделю боев, преодолевая с трудом многочисленные снежные заносы на своем пути, где спешенными, где в конном строю, измотанный 236-й кавалерийский полк, страдающий от отсутствия боеприпасов, продуктов и фуража для лошадей, находясь в полной оторванности от тылов на пятьдесят, а то и на добрую сотню километров, наконец-то закрепился в селе Конечки. Там и пришла малоприятная новость: командир полка майор Романовский не выдержал нервного напряжения, сошел с ума и был отправлен в тыл.

– Ну вот, я же говорил, что мне не нравится вид майора. Жалко, хороший мужик был.

– Ну почему был, подлечат, подправят. И опять в бой.

– Вряд ли. Хотя всё может быть в нашей жизни. Неисповедимы пути... Вот неделю назад мы думали в тыл на отдых отойдём, а километров триста отмахали за это время. Сегодня, видимо, опять не сильно придётся отдохнуть. А командир у нас теперь капитан Надирадзе, тоже мужик вроде бы ничего, дельный. А то, что молчаливый, – это хорошо, значит, спокойно всё обдумывает, размеренно.

В деревне

Во сне Прасковья увидела мужа, почему-то стоявшего посреди серого снежного поля, в расстегнутой нараспашку фуфайке и непокрытой головой, она даже почувствовала холод колючей метели, которая рвала одежду и сильно трепала его густые волнистые волосы. Леонтий стоял и смотрел, чуть прищурившись, прямо ей в глаза и улыбался, а на белой рубахе слева, под распахнутой полой фуфайки, виднелось красно-коричневое пятно; он был ранен и хотел ей что-то сказать, но не успел. Она попыталась бежать к нему, но тупая боль под лопаткой, а может, ещё и грудной сухой кашель пятилетней дочки, вернули Прасковью из тяжёлого сна в реальность. Она села, приходя в себя, сердце колотилось быстро и громко. Рядом на печи лежала укутанная в толстую шаль дочка Маруська, так её с любовью звали старшие братья. Вторые сутки жар и кашель мучили девочку.

– А я ей говорил: не ходи со мной, холодрыга, простынешь! А она: пойду, и всё тут! Увязалась – не утонишь! Ни к соседям, ни к дяде Архипу идти не захотела! С тобой пойду, и всё тут. Теперь вот заболела, – говорил Генка, самый младший из трёх сыновей. Николай и Фёдор на колхозных работах были заняты, да на учёбе трактористов в МТС, а всё домашнее хозяйство по мужской линии: дрова заготовить, зимой снег отгрести, скотину накормить, воды натаскать, в хлеву прибрать и многое другое, лежало на плечах тринадцатилетнего Генки, а за это старшие братья прозвали его «хозяйственником». Генке это прозвание нравилось, хоть и тяжело, но зато – «хозяйственник»!

Зима выдалась морозная и снежная, осенью заготовленные дрова таяли на глазах. Вот и приходилось Генке с санками почти каждый день ходить в заботу, за реку, по дрова. Много за один раз не наберёшь, а тут ещё Маруська за ним увязалась прицепом. На ту сторону реки они перебрались весело: Маруська, сидя на санках, которые Генка и две его

любимые дворняги лихо тянули по скользкому льду, была довольна и хохотала залившимся смехом, да и ясная, хоть и морозная, но солнечная погода располагала. «Ладно, шут с ней, пускай прокатится! Чуть меньше валежника наберу сегодня! А куда её девать, дома-то никого. Одной тоже страшно, наверное! Можно было бы к дяде Архипу её спровадить, но он в кузне на работе, и Петька тоже с ним, и бабка Миланья куда-то убежала, как назло, да и сама она в рев: «Не пойду!» Ну, да ничего, один раз возьму с собой, пускай сопли поморозит немного, в другой раз не захочет, да и погодка сегодня пока хорошая, солнечная», – думал он, таща санки и стараясь не смотреть на реку, покрытую толстым слоем льда. Чернота под ногами каждый раз, как он отправлялся «за реку» за дровами, навевала дурные мысли, не любил он смотреть на эту реку через лёд, другое дело летом! Ему всегда казалось, что подо льдом кто-то есть, большой и нехороший, и он всегда смотрит на него снизу, а летом такого ощущения никогда не бывало. Летом проще: волны или будоражатся, или так, мелкой рябью. Там всё понятно, а подо льдом никогда не знаешь, что будет.

За рекой было убрдно: зима насыпала снега порядком, деревья и кустарники не давали воли ветрам выдувать, а январские и февральские морозы добротнo уплотнили его. И пока Генка выкорчёвывал из глубокого снега сухостойные ветки и рубил топором их в размер, Маруся вскарабкивалась по плотному насту на горку и кубарем, с визгом скатывалась вниз к реке. «Пускай-пускай катается. Умаётся, тогда меньше и хныкать будет!»

Уложив на санки дрова и перевязав их бечевою, Генка направился к месту, где каталась сестрёнка. Но её не только не было видно, но и не слышно. И лишь из сугроба, под горкой, торчала её шубейка и едва слышался негромкий плач. Маруся почти полностью лежала в снежной расщелине вниз головой, пытаясь вылезти. Спустившись вниз, Генка быстро вытащил её из снежного плена, уже замолчавшую и глядевшую на него своими чёрными глазами из-под ресниц, покрывшихся большими крупинками льда, как бы с укоризной: мол, где ты был?

«Ну, бляха-муха! Взял тебя на свою голову! Сидела бы на печке! Нет, я с тобой, дома одна не буду!» – выругался он.

– Какая муха? – надула губы Маруся.

– Какая-какая? Такая!

Она была вся в снегу, одна рукавичка была потеряна, снег пришлось буквально вытряхивать из-под одежды. Перевязав её заново шалью и отдав свои рукавицы, он усадил её на сани поверх дров. Короткий зимний день перевалил в сторону вечера, и обратная дорога оказалась намного

трудней, мороз крепчал, а февральский ветер пронизывал насквозь...

* * *

Прасковья промокнула пот со лба дочки, чуть раскрыла её руки и ноги, на печи было ещё тепло, хотя снизу от пола уже поднималась прохлада. Сыновья спали на топчане, укрытые поверх одеяла отцовским тулупом.

«Совсем уже большие выросли, – подумала Прасковья, глядя на сыновей, освещаемых скудным светом зимней луны через замёрзшее окошко, – Колька всё на фронт рвётся, который раз уже в военкомат ходил. В мае восемнадцать будет. Ведь уйдёт на фронт, окаянный. Да и не удержать его, вон какой дылда вымахал. Самостоятельный больно. Федька-то с Генкой, слава богу, ещё малые. Они, поди, на войну-то уже и не попадут, может, она скоро и закончится. Да, достаётся Генке по дому работы, он хоть и младше на два года Федьки, но уже одного роста с ним, а всё равно – малой ещё, но жилистый и упрямый, как Леонтий. Как он там? Что же это за сон-то такой приснился. Никак ранен, родимый. А вдруг... Нет-нет, он говорил, что вертается. А если сказал, значит, так и будет. Спаси-помилуй его, Господи!»

Прасковья тихонько, чтобы никого не потревожить, спустилась с печи. «Надо чуть подтопить, да дочке молока с мёдом навести и попоить, да и завтрак уже пора готовить, скоро ребятки вставать будут».

– Мам, как там Маруся? – Генка всегда просыпался раньше братьев.

– Да ничего! Спи, ещё рано вставать-то.

– А ты чё так рано-то?

– Печь затоплю да молока ей согрею.

– Сейчас, мам, я приду и сам печку затоплю. – Поднявшись, он сунул ноги в пимы, накинул телогрейку и выскочил в сени.

«Генка-Генка, сердечный ты мой! Что бы я без тебя делала. Хорошие всё-таки у нас с Леонтием дети, душевные и работающие!»

Под тулупом зашевелился и Фёдор:

– Чё, уже пора вставать, что ли?

– Поспи, пока завтрак сготовлю.

Из сенок вошел Генка, занеся с собой холод.

– Двери-то скорей затворяй, не выстуживай.

– Во, морозяка на улице жмёт! Аж коленики ооченели.

– Чё раздетый-то шмыгаешь? Мало мне Маруски простылой!

Из-под тулупа высунулась немного заспанная, но улыбающаяся голова Федьки:

– Напустил холода, а нам вставать! Давай, хозяйственник, затопляй печку! Пимы-то опять мои

надел?.. Разрешаю... Походи, пока я не встал, погрей их.

– Ничего, и погрею!

– Ген, смотри-ка, вояка-то наш даже не пошевелился! Вот у кого сон богатырский. Это мы с тобой маленькие ростом, потому и спим меньше. А он дрыхнет себе, и хоть бы хны!

– С тобой как раз задряхнешь и выплещешься! Вечером всё бу-бу-бу и утром с самого ранья тоже! – уже взрослым басом ответил проснувшийся Николай.

На печи зашлась сильным кашлем и заплакала Маруся.

Прасковья успокаивала дочь, Генка молча растапливал печь, а с постели вставали старшие его братья.

Было обычное утро начинающегося обычного зимнего дня в сибирской деревне.

А где-то далеко шла война, отголоски которой долетали и до Сибири в виде похоронок и редких писем-треугольников.

Ворошилов

В тишине, под сводом снежной «берлоги», повисло гнетущее молчание. Три крестьянина, волей судьбы ставшие солдатами, расположившись на лежаках, устроенных ими из скудных сосновых веток по ледяному насту, думали о чём-то своём. Слабое пламя коптилки колебалось, как лучик надежды, а снаружи гудела февральская метель. Леонтий закрыл глаза. И далеко-далеко в темноте показались ему силуэты жены и детей: одна рука Паши лежала на груди, а другой она прижимала к себе дочурку, а за её спиной стояли три сына. Такими он их и запомнил, уезжая на фронт. Полгода прошло, а будто годы минули, но он ясно помнил то, последнее утро, когда они сидели все за столом молча, не зная, что их ждёт дальше. Маруся, маленький смеющийся комочек, запомнилась ему больше сыновей, и эта память приятной негой растекалась по уставшему телу.

– Да! – раздвинул густую тишину голос Ивана. – Но всё равно жаль майора! Душевный был мужик. Вот так и гинут ни за понюх табака. Неужто и мы поляжем так же, вон ребят-то сколько уже погибло.

Видения исчезли, и Леонтий с сожалением открыл глаза:

– Ну вроде бы закемарил чуток, а тут ты со своими причётами, Иван. Чего в душу страхи нагоняешь? Прорвёмся, коли поменьше плакаться будем. Так я, Гриша, говорю?!

– Так-то оно так. А вот скажи-ка мне, Леонтий, как это так выходит: неделю как через тебя пуля прошла, мы ещё табачок с твоей кровью не искурили, а ты уже опять как огурец-молодец?! Заговорённый, что ли.

– Заговорённый, заговорённый. Ладно, хоть вас не задело.

– Тут ты прав на все сто! Я как вспомню ту ночь, так душа в пятках щекочет. А ты молодец, не пикнул ни разу, я уж тогда за тебя знаешь как перепугался. Мне тут бабка наша деревенская как-то приснилась, колдунья она у нас, ну все так её у нас называют, и аккурат ведь она перед твоим ранением приснилась, так она мне и сказала, чтобы я тебя держался. Пока, говорит, он с тобой, живой будешь. Ага, так и сказала. Во сне это было. Вроде бы с четверга на пятницу этот сон был. А с четверга на пятницу сны всегда сбываются, это мне ещё моя бабушка говорила!

– А она тебе ничего про твой язык не говорила?

– Не, ничего такого. Только говорила, что я лет до шести вообще не разговаривал. Ну, а потом как прорвало!

– То-то и видно, что прорвало! – засмеялся Леонтий. – Легко тебе, наверное, с разговорами. Ну и ладно, ну и говори, коль прорвало!

– Ты вот, Леонтий, всё смеёшься, а я как представил как-то себе, что столько лет молчал, так даже самому страшно стало. Как это так?! Всё видеть, а сказать ни-ни. Жуть!

– У тебя в родне, наверное, все такие разговорчивые, – проворчал Иван.

– Я вот и говорю, что тёмный ты человек, Ваня. Все не могут быть такими, как я, иначе знаешь какой шум на Земле был бы. Вот смотри, я говорю, Леонтий улыбается и говорит подумавши, а ты всё ворчливо и с недоверием воспринимаешь. Вот и получается среди нас идилия. А если в нашей компании был бы ещё один как я, тогда всё – хана компании. Вот молчуна бы одного мало-мальского можно было бы. Для противовесу.

Немного помолчав, как бы взвешивая наступившую тишину, Григорий выдал новость:

– А вы знаете, что к нам сам Ворошилов приехал. Мужики говорят, значит, наступление скоро будет.

– Когда ты всё успеваешь прознать, Григорий? Прямо разведка! Надо капитану посоветовать, чтобы тебя в разведчики определил. Вроде бы куда не ходишь, а всё знаешь.

– А насчёт разведки – это не, не получится. Я же долго молчать не могу. А в разведке там тихо надо, молча. Не, не пройду, это точно! А то кто же тогда вам пайку с кухни принесёт. Не подумал? На кухне, Леонтий, самые что ни на есть первые новости и узнать можно. В Дубовике, говорят, он, Ворошилов. Может, и к нам наведается, тут всего-то ничего, верст десять-пятнадцать.

– Ага, придет, чтобы с тобой поговорить перед боем. Погибать чтоб нам легче было.

– Вот я про то и говорю, что тёмный ты человек, Иван, ну прямо как поддувало в печи. Всё в чёрном свете у тебя! Вон Леонтий сказал – выдюжим! Значит, выдюжим.

– Будешь тут тёмным. Смотри скольких уже потеряли. А то ли охота помирать-то? Жизни ещё не видели. Вон с Алексеем и Яковом сколько месяцев вместе коротали, а вот их уже и нет! Сгибли сразу. И другие со взвода полегли, больше половины уж нет.

– Ну, завёл волюну. Я ж говорю, молчуна нам для комплекта надо. Он бы тебя, Иван, молча слушал и так в так тебе: угу-угу! А может, филина нам в лесу выловить, а, Леонтий? И будет он тут Ивану угукать!

Леонтий встал, поправил фуфайку, затянул ремнём:

– Пойду до командира схожу. Узнаю, что к чему.

Он выбрался в морозный и вьюжный вечер. Судя по погоде, никаких наступательных действий не предвиделось. Жёсткий и колючий ветер, пронизывающая насквозь, бил в лицо крупными и острыми льдинками, которые, тая, оставляли на губах неприятный болотный привкус. «Гиблые места, сказали бы у нас в Сибири. И воздух здесь тяжёлый. Одно слово – болото. Летом-то как они здесь живут? Комарья, поди, полно и гнуса разного», – подумал Леонтий.

Вскоре, преодолев снежные заносы и сильные порывы ветра, он добрёл до командирской землянки. Сообщив часовому, что он пришёл к капитану Надирадзе, Леонтий вошёл внутрь. В ней было теплее и намного просторней, чем в их «берлоге», здесь располагались все взводные. Посреди землянки теплилась буржуйка, возле неё стоял стол, сооружённый из тонких берёзовых стволов, вдоль стен располагались несколько топчанов с отдыхающими командирами. Капитан Надирадзе сидел за столом, смотрел на карту и курил трубку. Повернув немного голову в сторону вошедшего Леонтия, он устало спросил:

– Что, дара-гой?! Пра-ходи! Садись! Вот как... с майором-то! Ни-чего! Прорвёмся! А? Солдат?!

– Чего же не прорвёмся? Конечно, прорвёмся! Не впервой!.. А майор?.. Как он?..

– Увезли, да-рагой, майора! Успели. Подлечат. Ты охрану-то оставил? Я вот, видишь, здесь дежурю. Па-ни-ма-ешь, Ленинград рядом! Я там никогда не был! Дядя мой был. А я – нэт! Ленин – град! Это!!! Тбилиси это да – мой город! Но – Ленин – град!.. Он – наш!

– Я тоже не был. Я из деревни. Далеко в Сибири это! Я в Барнауле-то был раз десять, ну, может, чуть больше.

– Ничего, солдат! Прорвём окружение и па-гоним фры-ца до само-го Берлина! И в Ленин-граде па-бываем!

– Я вот и зашёл про майора узнать да коня хотел своего, Седого, дойти глянуть...

– Схо-ды, солдат, посмотри друга!

Леонтий направился к выходу. В этот момент дверь отворилась и вместе с клубами мороза в землянку стали заходить генералы, среди которых был сам Климент Ефремович Ворошилов. Леонтий невольно отступил в сторону и замер от неожиданности, капитан Надирадзе, видимо тоже не ожидавший такого визита, выронил трубку и быстро встал из-за стола, накинутый на его плечи полушубок упал на пол.

Ворошилов прошёл к столу, снял папаху, сел и, посмотрев на капитана, сказал:

– Ну что, капитан, чаем угостишь?

Один из командиров, прибывших с маршалом, движениями головы указывал Леонтию на дверь, давая понять, что тому нужно быстренько покинуть блиндаж. Этот его жест не остался незамеченным Ворошиловым и присутствие красноармейца тоже.

– Чего это ты там головой дёргаешь? Контузило, что ли? – пошутил Ворошилов. – Садись, капитан. И вы рассаживайтесь, – предложил он прибывшим с ним, – чего столбами-то стоять. А ты, боец, похоже, конник? Фамилия?

Спавшие в блиндаже взводные и полковые стали просыпаться и спросонья не сразу соображали, что тут происходит и кто перед ними.

– Рядовой красноармеец 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии Гуляев.

– А вторая-то рука где?

– Под фуфайкой, товарищ маршал. Ранение небольшое было.

– Сильно небольшое?

– Да так, навывлет...

– А что не в госпитале?

– Да я кисет с махоркой приложил, потом сестричка обработала. Всё уже почти и зажило.

– Какой такой кисет с махоркой?

– Да обыкновенный, товарищ маршал. Кисет с махоркой.

– Ну-ка, ну-ка! Присядь-ка рядком да Расскажи.

– Да дело-то обычное. Бой был. Уж больно быстро фрицы дзоты понаделали. Мы вечера три их атаковали. На третий день меня и зацепило. Ну, я кисетом рану придавил.

– Помогло?

– Помогло. Это верное средство. В забоке, бывало, лес рубишь, поранишься случаем, так махрой залепишь, быстро заживает.

– А немец-то сильно бьёт?

– Пристреляно у него хорошо. Каждый метр. Его бы артиллерией прищучить, нам бы проще было. На конях мы его не свалим, не, снег убродный.

– Ну да! Ну да! Артиллерией... Ну, ладно, боец, спасибо! Иди, а мы тут поглядим насчёт артиллерии!

Леонтий встал, откозырял по всем правилам и быстрым шагом вышел из блиндажа. Уже на улице он почувствовал, как вспотела его спина и всё произошедшее было в каком-то тумане: «Чего сказал, как сказал и зачем? Про махру, про артиллерию! Они генералы – лучше знают, а я тут со своим шкворнем».

К Седому идти по ночному морозу уже расхотелось, и он, сам не зная почему, пошёл в полевой санпункт.

СПРАВКА: «17 февраля в штаб Волховского фронта приехал новый представитель Ставки маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, главноком всего Северо-Западного направления».

Ворошилов привез требование Ставки активизировать действия на Любанском направлении. Операция получила название «Любанской».

Ворошилов отправился в войска, стараясь узнать правду о боевых возможностях волховских армий. Войска встречали «первого маршала» исключительно тепло, как живую легенду. В глухом лесу у Новой Керести маршал Ворошилов посетил редакцию газеты 2-й ударной армии «Отвага». Она размещалась среди вековых сосен в просторной сухой землянке, где прежде укрывались партизаны. Отсюда на танкетке он отправился 25 февраля в деревню Дубовик в штаб 13-го кавкорпуса, чтобы лично наблюдать за операцией по взятию Любани. Кстати, там же, в Дубовике, находился штаб 366-й стрелковой дивизии. По пути от Новой Керести в Дубовик Ворошилов ненадолго заехал в село Вдицко. Одно время в этом селе после переезда из Малых Вяжищ находился штаб 13-го кавкорпуса. Затем штаб перебрался в Дубовик, а во Вдицко разместился 364-й полевой передвижной хирургический госпиталь. Село было важным опорным пунктом, и его прикрывала от немецких самолетов батарея 37-мм зенитных пушек. В день приезда Ворошилова она сбила «юнкерс», четырех летчиков взяли в плен, у пятого не раскрылся парашют. Вечером прилетели 14 «юнкерсов» и, то ли в связи с приездом Ворошилова, то ли мстя за сбитых товарищей, засыпали село бомбами».

Находясь в Дубовике, маршал подвергал себя еще большей опасности, чем во Вдицко, так как противник, кроме налетов авиации, постоянно и методично обстреливал Дубовик из тяжелых орудий. Приезд маршала в Дубовик не являлся секретом для противника. Вечером 25 февраля Ворошилов уехал, а утром следующего дня семь «юнкерсов» методично бросали на деревню тяжелые бомбы.

Как вспоминает В.Н.Соколов, бывший делопроизводитель строевого отдела штаба 13-го кавкорпуса: «Я выбежал на крыльцо и увидел, как прямо на нас, стремительно увеличиваясь в размерах, падают две

бомбы. Через несколько секунд раздался двойной взрыв. Во все стороны полетели жерди, солома, комья земли. Бомбы падали одна за другой, и вскоре деревня представляла собой страшную картину перепаханной земли, окровавленного снега, человеческих рук, ног, голов, обрывков одежды и просто бесформенных кусков мяса. Такое не может привидеться даже в самом кошмарном сне. Несколько избгорели, повсюду валялись повозки, домашний скarb, трупы людей и лошадей. В зареве пожара металась люди, подбирая пострадавших. В этот день мы потеряли более ста человек».

Во время налета на Дубовик 26 февраля погиб поэт Всеволод Эдуардович Багрицкий, сын известного поэта Э.Г.Багрицкого. Он служил литературным сотрудником в редакции газеты «Отвага». На место Багрицкого в редакцию прибыл другой поэт – Муса Джалиль (старший политрук М.М.Залилов). Художником в редакции «Отваги» служил московский ополченец скульптор Е.В.Вучетич, уже успевший повоевать рядовым бойцом в 33-й армии». (К. Мерецков). На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С.60; Петров П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 22. ; ЦАМОРФ. Ф. 309. Оп.4073. Д. 2. Л.113.)

Медсестричка Таня

— Ой, вы на перевязку, наверное? Я сейчас, только руки оботру.

— Да нет, дочка! Я просто тут мимо шёл...

— Давайте я посмотрю и перевяжу вашу рану. А у нас пока перерыв, операций нет, а раненых много, слава богу, не сильно. Вот вчера прямо один за одним весь день, и всё тяжёлые. Жалко, такие дядечки, как мой папа или братик старший, а уже без рук и ног!

— Да ты, дочка, не переживай так-то, война она так – кому сразу, а кому ещё и пожить долго! Зовут-то как?

— Таня.

— Вот, Танечка-Танюша! Я тут просто мимо шёл. А ранение моё – уже махорочкой полечил, да твоими стараниями и зажило! Лёгкая у тебя рука, дочка!

— А давайте я вам новую перевязку сделаю. Всё лучше будет!

Он сел на угол топчана, освободил ранение. Лёгкие и проворные руки медсестры аккуратно снимали бинты, а Леонтий, чувствуя это, окунулся в свои мысли. А мысли его были далеко отсюда, он был там, у себя дома. И эта война сегодня ночью и в эту минуту нисколько его не тревожила. Его тревожило то, что Паша, такая хрупкая и маленькая жёнушка, сейчас там одна с их детьми. И только сейчас, успокоенный перевязкой этими нежными детскими ручками маленькой санитарочки Тани, он понял, что главное-то в его жизни была она, Паша! Та, которую

он и полюбил когда-то давно за её спокойствие и молчание, а может, наверное, не молчала она! Она, наверное, любила его, дурака, с его неумной гордыней и рожала ему детей, так же молча и с любовью! А сейчас вот он здесь. И немчура вокруг. А семья – далеко. Трудно ей с четырьмя-то, хотя сыновья уже большие, самостоятельные, а всё равно – ноет под рёбрами. Но ничего, я вернусь – чего бы мне это не стоило! Нельзя погибать, нельзя. Вот и Ворошилов приехал, видимо, неспроста, наверное, на днях будет что-то серьёзное. Глупо, конечно, умереть в сугробе, а потом весной уйти в болото. Немец-то, сволочь, укрепился, успел когда-то...

– Нет-нет, нельзя мне.

– Чего вам нельзя? – перебила его мысли санитарка.

– Мне? Да это я тут про себя. Задумался, дочка. Прямо усыпила ты меня. Так вот подумал, первый бой у меня был в Ольховке, там и мы немцев видели, и они нас, а пули как осы роем летали, а вот ни одна и не задела, а тут шальная какая-то и прямо под мышку. Чудно!

– Ольховка? Это деревня такая была, да?

– Почему была? Она есть.

– Да на днях к нам двоих привезли, один-то сильно раненный, а второй поменьше. Я их перевязывала, а они как раз про эту деревню говорили. Немцы, говорят, там всех жителей поубивали. И детей, и всех.

От этих её слов мурашки холодком побежали по его спине, а волосы на голове стали шевелиться, во рту внезапно пересохло:

– Где они? – прохрипел он, сам не узнав свой голос.

– Кто? Чё с вами, дядичко?

Первые мысли, которые пронесли у Леонтия: «Как так, немцы всех в деревне убили? И стариков, и детей, что ли? Суки! Сволочи! Как так? Что они, совсем нелюди?» Потом, глядя на испуганное лицо девчонки-санитарки, которая смотрела на него округлёнными глазами, он взял себя в руки, но в голове всё равно стучал молоточек. «А если эти двое как раз Яков и Алексей? Вдруг и живы?!»

– Солдаты эти где? – Леонтий, увидев испуганное лицо Тани, уже спокойнее добавил, – дочка, где эти солдаты? Проводи меня к ним... Пожалуйста, Танечка-Танюша!

– Так я провожу. Только спят они, наверное, уже.

– Проводи! – уже более спокойным голосом произнёс Леонтий. – Понимаешь, мы под Ольховкой двоих своих однополчан-земляков потеряли. А вдруг они это? Я только гляну на них. А перевязываешь ты умело, у меня прямо всё уже и зажило! Будет из тебя хороший врач.

– Скажете тоже. А рана-то ваша уже и вправду почти полностью зажила. И я перевязку закончила. Дня

через два можете и бинты снять. Можно к нам прийти, нам бинты нужны, мы их прокипятим, и другим они ещё пригодятся. Пойдёмте уж, поглядите, может, и вправду ваши друзья-товарищи. Тут недалеко, вон в том околке их палатка.

Зайдя в санитарную палатку, Таня подвела Леонтия к лежанкам, где лежали двое раненых. При скудном свете нескольких коптилок было трудно разглядеть их лица. Леонтий наклонился, чтобы лучше рассмотреть одного из них.

– Чего уставился? Доктор, что ли? – неожиданно спросил раненый.

– Да нет. Вот думал, что вы мои земляки-однополчане. Потерял я их недалече от Ольховки. В конце января мы там наступали и немцев оттуда выбили. А их вот потерял. Думал, а вдруг вы – это они! И санитарочка сказала, что вы оттуда, что были там.

– Тебя как зовут-то? Поговору слышу – нашенский, с Сибири.

– Леонтий я. С-под Барнаула.

– А я Никола, с Бийска. Там интенданты были, это, наверное, получается после вас. Потом деревню фрицы заняли. Мы их неделю атаковали, потом выкурили. А когда зашли... Я всякое видел, но такого – ни разу! Сволочи, они всех деревенских, всех до одного убили. Представь: дети там штыками порублены, а старухи и старики с разбитыми головами. Я этих фрицев теперь голыми руками душить буду, ни одного не пожалею, суку!

Леонтий слушал, а в его сознании всплыли воспоминания того дня после освобождения ими Ольховки. Тогда они с бойцами шли огородами, осматривали сараи, погреба и дома. В нескольких погребах были жители деревни, выгнанные из домов немцами. В одном из погребов находились старик со старухой, женщина лет сорока и трое ребятишек, закутанных в разные платки и лохмотья. При свете зажженной лучины они смотрели на солдат обречённым взглядом. Леонтию тогда стало не по себе, и колкие мурашки пробежали по спине. От этого воспоминания он и сейчас почувствовал холод. А тогда он представил на месте этих ребят своих детей. Вспомнил ему и разговор со старухой:

«– Как вы тут, никто не ранен?»

– Да нет, милок, раненых нема. Холодно зато только да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

– Ничего, мать, прогоним! Дайте только время обозлиться».

Леонтий молча встал и вышел из палатки. Всё у него внутри бушевало: «Да что же это такое? Как? Как такое можно?» Кулаки сжались, впиваясь ног-

тями пальцев в ладони, мороза и ветра он не чувствовал, чувствовал боль в груди от неисполнения данного слова тем людям в деревне, той бабке и женщине с тремя детьми, которых уже нет! Страшно! Страшно и больно!

Как в тумане он дошёл до своей «берлоги» и спустился внутрь.

– Ну ты, Леонтий, как в молодости, ушёл на пять минут, а два часа нагулял! Или огулял кого?

– Ты, Гриша, можешь помолчать? Что ли совсем не спишь?

– Сейчас только храпел, аж ледок с потолка сыпался. – Иван тоже не спал.

– Чего-то ты хмурной какой-то, Леонтий?

– Хмурной? Я не просто хмурной, я вообще злой как собака!

– Ну, понял, понял! Молчу.

Леонтий сел на свой лежак, молча достал кисет и ещё слегка дрожжащими пальцами стал скручивать большую козью ножку.

Григорий и вправду замолчал, притих и Иван. Они оба знали, что Леонтий так просто не будет зол на что-то. Значит, что-то произошло. А расспрашивать его сразу было бесполезно. В их «берложке» наступила тишина.

Дым самосада был более приятен, чем запах болотной воды, протекающей под небольшим клозетным отверстием из соседней конурки, сооружённой рядом с их жилищем. Конурка была отделена небольшим проёмом и завешена лоскутом, оставшимся от полы шинели, прихваченной после боя запасливым Григорием. Иван лежал как всегда молча, он никогда не встречал в разговоры первым. Привычка. Григорий не мог долго терпеть тишины и молчания:

– Дай зобнуть разок, Леонтий. Уж больно дымок самосада вкусно пахнет.

– На.

– Ну вот. Это по-нашему. А то сидит себе и смолит в одиночку как куркуль! Добрый табачок! Вань, будешь?

– Немцы после нас Ольховку заняли. Потом наши их выбили опять оттуда. Но немчура, сволочи, всех, понимаешь, Гриша?! Всех убили. И тех ребятшек троих с матерью, и бабку с дедом! Всех. Всю деревню под корень! А ведь я им обещал, что мы их не дадим в обиду.

– Ё... – только и смог выговорить Григорий, Иван сел.

Тишина перемешалась с дымом самосада. Говорить больше никто не хотел. Да и что можно было сказать. Леонтий устало прислонился плечом к стенке своей ниши, глаза сами собой закрылись, а его мысли закрутились вихрем и полетели далеко, расталкивая сумбурные наслоения последних дней. Мысли несли его домой, на родину...

* * *

«20.02.1942 года командир дивизии отдал приказ командирам частей: «В 14.30 обрушиться всей мощью автоматического огня на село Конечки». К 15.00 на участке 236-го кавполка с направления Савкино 1-е и 2-е противник перешел в наступление, его разведгруппы отбиты, однако противник все же пытается мелкими группами обойти левый фланг 236-го кавполка. Наступление сопровождается сильным минометным и артиллерийским огнем из Савкино 2-е и села Конечки. В 16.30 КП-236 донес, что от Савкино 2-е на дороге на Вальякка наступает до 150 лыжников противника. На левый фланг полка наступает до роты противника. Полк ведет бой. Командиру 244-го кавполка отдан приказ в 18.30 быть готовым оказать помощь 236-му кавполку, действуя из-за его левого фланга, а командиру 241-го кавполка быть в готовности прикрыть участок 244-го кавполка. На поддержку 236-го кавполка в 18.30 от Штадива выслана группа автоматчиков в количестве 25 человек.

На 21.02.1942 года дивизия имеет ту же задачу, что и 20.02.1942 года. Командиру 236-го кавалерийского полка отдан приказ в 1.30 установить тесную связь со 104-м и 98-м кавалерийскими полками и организовать непроницаемый фронт. По дороге от Вальяккиса к отметке 62,5 по ручью до стыка с 244-м кавполком установить патрулирование. Больше выдержки при атаках противника.

В 2.30 командиры частей предупреждены, что с рассветом не исключена возможность наступления противника. Бывший командир 236-го кавполка майор Романовский за невозможностью использования в дивизии откомандирован в Штакор. Как и предполагалось, противник на участке 236-го кавполка перешел с рассветом в наступление, обойдя 236-й кавполк с трех сторон с запада, севера и востока. 104-й и 98-й кавполки отошли в панике. 3-й и 4-й эскадроны 236-го кавполка оказались в окружении противника, из которого благополучно вышли. На дорогу Конечки, Егудрово выставлено наблюдение.

Потери за день: 236-й кавполк убитых – 5 человек, ранено – 6 человек. От истощения пало 17 лошадей.

На 22.02.1942 года дивизия имеет ту же задачу. «Прочно прикрывать ж.д. 2 км восточнее Конечки, Вальякка. И не допустить продвижения противника в южном и юго-восточном направлениях. Граница слева – отметка 64,8, перекресток просек, что 1 км северо-восточнее Вальякка, отметка 63,5» (Приказ Штакора № 033 от 21.02.1942 года). Противник упорно обороняет села Конечки и Каменка. На про-

тяжении всей ночи на 22.02.1942 года подвергал части дивизии минометному и артиллерийскому обстрелу, достающему КП 236-го кавполка.

27.02.1942 года – задачи дивизии прежние (Приказ Штакара № 32 от 22.2.1942 года). В течение ночи на 27.02.1942 года противник мелкими группами 15 – 25 человек пытался перейти в контрнаступление на участке стыка 236-го и 244-го кавполков. Контрнаступающие группы отброшены. В результате минометного обстрела со стороны противника за ночь на 27.02.1942 года дивизия потеряла убитыми и ранеными до 30 человек».(6)

Быстро приближающаяся весна, несмотря на ещё морозные ночи, вносила свои коррективы: днями снег стал быстро буреть, набухать от влаги и в совсем недавно заснеженных полях вскрылись болота. На удивление солнечные дни и почти ежедневные авиационные бомбардировки убыстрили этот процесс. По зимним дорогам, ещё существующим и покрытым снежной, ледяной коркой, днём проехать уже становилось довольно сложно. Техника вязла в болотной жиже.

Ночные атаки на немецкие позиции тоже вносили коррективы: в свои шалаши и землянки после изматывающих боев возвращались не все. Кто-то отправлялся в санчасть, а кого-то хоронили в братских могилах.

* * *

В один из вечеров в «крыше берлоги» Леонтия и Вего товарищей образовалась большая дыра – снежный потолок обрушился и, рассыпавшись на куски, присыпал отдохавших красноармейцев.

– Я прямо как чувствовал, что недолго нам здесь осталось загорать! – как всегда первым отреагировал вскочивший с лежанки Григорий, стряхивая с себя комья снега. – Днём ещё подумал, а оно вот тебе и раз!

– Мог бы предупредить, раз подумал, – с ворчанием встал и Иван, стряхивая с себя комья снега и ледышки.

– Ладно, в следующий раз предупредительный выстрел сделаю. Ты смотри, аккурат прямо к ночи и жильё наше рассыпалось. Чудеса! Видимо, придёт менять дислокацию по ходу дела или в наступление опять нас бросят.

– Всё ты знаешь, Григорий, наперёд.

– Так я же не сижу на одном месте, а то к поварам добегу, то к снабженцам. С вечера уже, говорят, и приказ получили, закончился, стало быть, наш короткий отдых.

– Ещё знаешь, наверное, куда двинем?

– А-то как же. Само собой знаю. В ночь, скорее всего, выступаем в сторону Каменки. Там, говорят,

фашистов до сотни видели. Разведка! А мы-то вот как раз и без жилья остались, так что самое то: в бой пора! Да и пополнение у нас уже закончилось. Пора и нам вперёд.

– Ну, Гриша, я даже и не сомневался, что ты всё уже разведал, – произнёс Леонтий, выбираясь наверх из обрушенного «жилища». – Наверное, ты прав. Вон все наши зашевелились. Видимо, построение скоро.

– А то! Когда это я просто так говорил. – Григорий поднимался следом. – Иван, хватит там прохлаждаться, давай двигай на свежий воздух.

– Двигай, двигай. Мне и тут свежо, – бурчал Иван, встряхивая от снега трофейную шинель. – Сейчас поднимусь.

* * *

«**К** началу марта 1942 года 2-я ударная армия значительно пополнилась за счет подразделений, бригад и дивизий, переданных ей Волховским фронтом из других армий. Для прорыва к Любани в состав 13-го кавалерийского корпуса была передана из 4-й армии 80-я кавалерийская дивизия, а из резерва фронта пополненная 327-я стрелковая. Этим частям было приказано с ходу овладеть хутором лесника Красная Горка и выйти к Любани. Взятию хутора препятствовала сильно укрепленная насыпь железной дороги Чудово – Веймарн.

Дивизии дрались у Красной Горки, изо всех сил рвались к Любани, а в Дубовик доставляли раненых. Путь пролегал по лесам и болотам, лишенным каких бы то ни было дорог. Глубокий снег, под ним – незамерзающие болота. Гаубицы весом 2400 кг тонули сразу на оба колеса. Лошади выбивались из сил. Люди – огневики и управленцы – надели лямки и совместно с помощью подручных материалов тащили на себе через топи орудия... На всём пути следования встречалось очень много убитых лошадей – след, оставленный кавалерийским корпусом».(7)

В изрядно поредевший всего за один месяц и несколько боев 236-й кавалерийский полк к концу февраля тоже прибыло пополнение. Отделение Леонтия пополнилось пятью красноармейцами, уже обстрелянными и понюхавшими запах пороха и крови. Все они были родом из сибирских деревень, кто из-под Иркутска, кто из-под Томска и Красноярска. Знакомство закрепилось коротким стуком алюминиевых кружек с НЗ, без лишних расспросов и разговоров, кроме коротких фраз: фамилия, имя и откуда родом.

После недолгого построения и переключки 236-й кавалерийский полк выдвинулся в сторону села Дубовик.

* * *

– Леонтий, а ты случаем не партизанил в Гражданскую? То, что ты не очень-то много разговоров ведёшь, это мы уже уяснили меж собой, точно я, Иван, говорю? Похоже, что не просто партизанил, а разведчиком, наверное, был, – завёл походный разговор Григорий. – Я тут случайно узнал, а то так в незнании всю войну бы и провоевали. А он, Вань, молчит ведь!

– Ты про что это? – спросил Григория Леонтий.

Иван, не понимая, о чём речь, но сообразив, что что-то интересное может пропустить, высвободил ухо из-под шапки.

– Так вот про то, что сейчас бы мы с дополнительным пайком топали, да и в бою легче было бы сытыми быть.

– Не пойму я, куда ты клонишь, Гриша!

– Так вот как раз туда и клоню. Про встречу твою и разговор с самим Ворошиловым! Вот вчера хотя бы рассказал нам про то, как ты беседы вёл с самим маршалом Климентием Ефремовичем, так сегодня я с утра пару-тройку дополнительных пайков бы и выбил, пока было ещё что выбивать! Рассказал бы снабженцам, как тебя сам Ворошилов поздравил с прошедшим Днём Красной армии, так они бы мне вещмешок битком набили! И шли бы мы сейчас по этой ночи сытые и довольные бить вражину.

– Морду бы они тебе набили, это точно, а не вещмешок! – пробурчал Иван.

– Вот, Иван, ты даже помечтать человеку не дашь! Только я, значит, чего-нибудь надумаю, чтобы срезать углы всякие, а ты прямо тут как тут с причётами. Я, может быть, мыслями своими от голодухи нас спасаю, а ты сразу в морду, в морду! Глянь в вещмешке, там в уголке сухарь не завалился случаем?

– Тебе-то это надо?

– Надо-надо! Вот идём мы сейчас фрица бить, а на желудке голодно! Разве это правильно, а, Леонтий? А Ваня, мне так кажется, точно что-то заныкал!

– Да ладно тебе, Гриша, доставать-то его. В бой идём, не до жиру тут! – Леонтий решил немного придержать «коней» Григория.

И тут раздался взрыв.

Так неожиданно и без всякого свиста летящего снаряда...

Леонтий как-то неестественно остановился и стал заваливаться на бок. Рядом идущий с ним солдат поднялся над сугробом и упал, уткнувшись головой в снег. Его нога упала рядом.

Гриша с Иваном волной взрыва упали почти одновременно, закрыв голову руками. Липкая и солоновато пахнущая жидкость потекла по лицу Григория. Следом рвануло ещё и ещё...

* * *

«2 марта 1942 г. 00 ч. 40 мин. Из донесения штаба ВФ № 00259/Оп ВГК: «Связи с 80 кд и частями 46 и 327 сд, находящимися севернее Красной Горки, в течение 1 марта не имелось... Ввиду отсутствия подвоза за последнее время запасы боеприпасов сократились и по основным видам составляют 0,2-0,6 боекомплекта». Это почти ничего. И всё же, продвигаясь в этих тяжелых условиях, воины 13-го кк и 59-й стрелковой бригады занимают Огорели, станцию Радофинниково, село Дубовик. 8 марта 1942 г.: 8 марта в журнале боевых действий 18-й немецкой армии сообщается: «Взято в плен 1093 и 1556 убито русских под Красной Горкой». Вскоре после этого 13-й кавкорпус вывели в тыл.

15 марта 1942 г. Из донесения начальника ПУ ВФ в ГлавПУР РККА: «В войсковых частях Волховского фронта имеются случаи заболевания сыпным тифом. Многие командиры и бойцы по несколько месяцев не моются в бане и не меняют белья». 18 марта 1942 г. 18 марта противник в первый раз отрезает войска 2УА от войск Волховского фронта, образовав «волховский котёл». С 19 марта по 24 июня 1942 года коридор связи со 2УА закрывался и открывался 6 или 7 раз. При этом он представлял уже открытую (без леса), узкую «долину смерти» длиной 5 км и шириной до одного км. По нему могли пробираться небольшие группы бойцов и подводы, но только ночью. Однако Ставка ВГК и командование фронта требуют решительно продолжать наступление на Любань /14, с. 128/. 327-я сд находится в окружении. Потери Волховского фронта в марте составили 40 679 человек. В марте 1942 года фашисты, не считаясь с потерями, непрерывно контратаковали, бросая в бой все новые и новые силы, подтянув свежие дивизии, ударом с двух сторон. 9 марта 1942 года гитлеровцы перекрыли проход у Мясного Бора. На целую неделю снабжение армии почти совсем прекратилось – доставка продуктов и фуража самолетами была каплей в море, тем более что активизировалась и авиация врага. Его самолеты гонялись за каждой машиной, повозкой, даже пешеходом». (6)

* * *

Григорий приподнял голову и осмотрелся. Иван тоже шевельнул рукой, потом ногой.

– Вань, жив?

– Кажись, жив. Вот сволота... насовал тут мин... сука!.. А Леонтий где?

Григорий подполз к недвижимому Леонтию, распахнул фуфайку, приложив ухо к груди:

– Жив, курилка! Жив, чертяка! В госпиталь его надо! Срочно! Давай, Ваня, живо давай!

* * *

В госпитальной палатке, куда принесли Леонтия, мест не было.

– Дочка, – обратился Григорий к пробегающей мимо медсестре, – дочка, помоги моему лучшему другу! Очень прошу!

– Да господи! Куда же я его, видите, все палатки полны!

– Доча, ну очень нужно ему помочь! Пойми ты! Очень!

В свете вспыхнувшей в небе ракетницы сестричка увидела лицо Леонтия:

– Так это же дядя Лёня! Он же у меня два раза перевязку делал!

– Он, он! – Григорий взял руку медсестры и, глядя ей в глаза, соврал: – Он нам про тебя все уши прожужжал! Вот, видимо, судьба такая! Опять к тебе он попал. Всё говорил, дочка-дочка!

– Сильно его ранило? Вроде бы крови-то и нет.

– Да сильно-сильно! Без сознания он, а сердце как барабан стучит!

– Знаете, у нас тут подводы тяжелораненых грузят в тыл отправлять. Может, и его тоже с ними?

– Молодец, дочка! Не зря Леонтий всё про тебя нам талдычил! Молодчина! В тыл его, сердечно-го, надо! В тыл!

* * *

Так волей судьбы и настойчивости друзей-однополчан Леонтий в бессознательном состоя-

нии после тяжёлой контузии был отправлен в тыл.

Война в окружении под Любанью в кавалерийской дивизии для него была закончена, но после излечения она продолжилась в стрелковой дивизии за освобождение городов Псков и Ленинград вплоть до тяжёлого ранения в сентябре 1944 года.

И февральским морозным утром 1945 года Леонтий сошел с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул полной грудью родной сибирский воздух.

Литература

1. КАВАЛЕРИЙСКИЕ ВОЙСКА. Советское военное чудо 1941–1943 [Возрождение Красной армии] Гланц Дэвид М. <https://history.wikireading.ru/64688>

2. Новости. Вся лента. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. Хроника военных лет на Алтае. <http://blogs.altapress.ru/65let/archives/1839>

3. 13-й КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС В БОЯХ ЗА ЛЕНИНГРАД (ЯНВАРЬ–ИЮЛЬ, 1942 ГОД) <http://studik.net/13-j-kavalerijskij-korpus-v-bojakh-za-leningrad-yanvar-iyul-1942-god-2/>

4. Обобщенный банк данных «Мемориал» – банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период.

<http://www.obd-memorial.ru/html/>

5. Мерецков К. На волховских рубежах //ВИЖ. 1965. № 1. С. 60; Петров П.И. Указ. соч. //ЛНО. С. 22. ; ЦАМО РФ. Ф. 309. Оп.4073. Д. 2. Л.113.)

6. ЦАМО РФ. Ф. 13 кк. Оп. 1. Д. 33.

7. Журнал боевых действий 87-й кавалерийской дивизии 14.2.1942– 12.3.1942 года.

□

Владимир Георгиевич ГУЛЯЕВ –

поэт, прозаик.

Родился в 1957 году в селе Шелаболихе Алтайского края.

Окончил Алтайский политехнический институт.

Автор книг: «Вовкины истории», «Сборник рассказов и стихов».

Публиковался в сборниках «Книжным детям», «Держава-2019»,

«Золотое перо Алтая-2018», «Деревенские чудики».

Живёт в городе Барнауле.

В журнале «Север» публикуется впервые.

